

**Коллектив авторов
Дэвид Бальдаччи
Противостояние лучших (сборник)**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11951916
Дэвид Бальдаччи. Противостояние лучших: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83563-8
Оригинал: DavidBaldacci, "FACE OFF"

Аннотация

Любознательный человек часто задается вопросами, ответов на которые не существует. Просто потому, что проверить, «что будет, если...», невозможно. Кто победил бы в битве – Александр Македонский или Чингисхан? Кто быстрее и изящнее разобрался бы в тайне преступления – Шерлок Холмс или Эркюль Пуаро?.. Но на сей раз звезды современного мирового детектива и триллера воплотили в жизнь уникальную задумку – свели под одной обложкой главных персонажей своих романов. Впервые фантазии авторов сталкиваются лицом к лицу Джека Ричера и Ника Хеллера, Грея Пирса и Коттона Малоуна, Линкольна Райма и Лукаса Дэвенпорта – кумиров миллионов читателей по всему миру. Противостояние героев – и их создателей... Кто победит?

Содержание

Вступление	5
МАЙКЛ КОННЕЛЛИ против ДЕННИСА ЛИХЕЙНА	7
Красный глаз	8
ИЭН РЭНКИН против ПИТЕРА ДЖЕЙМСА	22
В самое время	23
РОБЕРТ ЛОУРЕНС СТАЙН против ДУГЛАСА ПРЕСТОНА и ЛИНКОЛЬНА ЧАЙЛДА	33
Довести до безумия	34
М. ДЖ. РОУЗ против ЛИЗЫ ГАРДНЕР	45
Смеющийся будда	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дэвид Бальдаччи

Противостояние лучших

*Посвящается Гейл Линдс и Дэвиду Морреллу, писателям и
невероятным мечтателям*

© Гольдич В. А., Оганесова И. А., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Вступление

В 2004 году у двух известных авторов триллеров появилась мечта. Их звали Гейл Линдс и Дэвид Моррелл. К тому времени за плечами у каждого из них уже была длинная и успешная литературная карьера. Но чего-то им не хватало. У авторов классических детективов есть «Общество американского детектива». У тех, кто специализировался на ужасах, – собственная «Ассоциация писателей романов ужасов». Не говоря уже об «Ассоциации писателей любовных романов», насчитывающей тысячи членов.

У творцов каждого жанра – свой клуб.

За исключением тех, кто пишет триллеры.

Гейл и Дэвид решили его основать.

Все началось в Торонто, 9 октября – именно тогда родилась «Международная ассоциация авторов триллеров». Сегодня ее членами являются более 2500 мужчин и женщин из 49 стран по всему миру. Восемьдесят процентов из них – действующие писатели. Остальные – различные специалисты в книгоиздательском деле, агенты, редакторы и любители. Каждый год в июле они собираются в Нью-Йорке на «Фестиваль триллеров», или «Триллер-фест». Это настоящий летний лагерь для авторов остросюжетной литературы и их поклонников. Главный приз «Триллер» присуждается по нескольким категориям. О нем мечтают все авторы – ведь он создан и вручается их единомышленниками.

С самого начала МААТ стремилась к новшествам. Она никогда не делала того, чем занимались остальные подобные общества. Итак, в 2007 году, когда член правления (талантливый британский автор триллеров) Дэвид Хьюсон внес предложение о том, что организация не будет собирать членские взносы, его идею дружно поддержали. Если книгу какого-либо писателя печатает одно из признаваемых МААТ издательств (а их насчитываются сотни), его членство становится бесплатным.

Но как же тогда это общество себя содержит? Как платит по счетам?

Ответ на этот вопрос ее члены нашли еще одним нестандартным способом.

Было решено, что организация будет писать собственные книги и продавать их издательствам, а доходы от продажи станут ее основным капиталом.

Рискованно? Несомненно. Дерзко? Конечно.

Типичная идея МААТ.

Первая вышедшая в печати книга «Триллер» (2006 год) оказалась первой антологией коротких рассказов в этом жанре (вы помните, что они всегда старались делать то, чего не было прежде?). Тридцать три члена МААТ прислали свои рассказы в этот сборник. Джеймс Паттерсон (тоже член ассоциации) согласился выступить в качестве редактора, и в результате появилась самая популярная антология всех времен – по всему миру было продано более 500 000 экземпляров. Прибыль от продажи этой ломающей каноны книги не только обеспечила МААТ деньгами на текущие расходы, но и дала организации постоянный доход. Затем последовали сборники «Триллер-2» (2009 год) и «Любовь убивает» (2012 год). Продолжая свою новаторскую деятельность, МААТ выпустила первую аудиокнигу «Манускрипт Шопена», которая вышла только в виде диска. Ее редактором стал несравненный Джеффри Дивер (член МААТ), и «Шопен» признали лучшей аудиокнигой 2008 года. Затем успех имела еще одна аудиокнига – «Медный браслет».

Далее был сделан шаг в сторону документальной литературы – вышла книга «Триллеры: 100 обязательных романов» под редакцией Дэвида Моррелла и Хэнка Вагнера. Она получила весьма высокую оценку критиков. Затем еще один член правления ассоциации, легендарный Роберт Лоуренс Стайн (автор «Мурашек»), вывел организацию в мир книг для подростков, создав серию «Страх», и теперь МААТ ежегодно выпускает в мир целый класс

писателей-дебютантов в соответствии с программой «Дебют». «Первые страхи» под редакцией одного из основателей МААТ, Ли Чайлда, стал антологией рассказов за 2011 год.

Впечатляющее резюме...

И все это создано редакторами-авторами, потратившими свое время, и писателями, которые создавали для этого рассказы. Практически все деньги, заработанные публикациями МААТ, пошли на счета организации.

Так будет и с этой книгой.

Я присоединился к МААТ вскоре после ее появления. И я согласен с Гейл и Дэвидом. Пришло время для создания организации, объединяющей авторов триллеров. Я ждал проекта, в котором мог бы принять самое активное участие, и, когда мне предложили редактировать книгу «Противостояния», сразу согласился.

Меня заинтриговала ее идея.

Взять знаменитых писателей с их лучшими персонажами и заставить встретиться друг с другом. Обычно такие вещи не случаются. Какое издательство напечатает подобный сборник? Ведь каждый автор заключает контракт со своим издателем. Осуществить данный проект казалось делом совершенно невозможным. Кроме того, ни одно издательство не согласится, чтобы книгу напечатали третьи лица. Только одна модель, созданная МААТ – авторы пишут рассказы бесплатно, а все деньги переходят на счета организации, – могла принести в этом успех.

Так что эта книга – реализация проекта, который бывает раз в жизни.

Все ее авторы – члены МААТ. И все они с радостью согласились принять участие в сборнике. Когда мне сказали, что один из основателей МААТ, Стив Берри, который работал с Джеймсом Паттерсоном над «Триллером», согласен помочь в качестве ведущего редактора, я был приятно взволнован. Именно он стал тем человеком, который сделал все необходимое для выхода книги в свет. Спасибо тебе, Стив, за твою работу!

И спасибо всем авторам.

Где еще вы смогли бы увидеть, как герой Джеффри Дивера Линкольн Райм встречается с Лукасом Дэвенпортом, созданным Джоном Сэндфордом? Или как Гарри Босх входит в мир Патрика Кензи? Поклонники Коттона Малоуна, придуманного Стивом Берри, и Грея Пирса, обязанного своим появлением на свет Джеймсу Роллинсу, многие годы мечтали об их встрече – и их мечта сбылась. А еще здесь Джек Ричер, персонаж Ли Чайлда, знакомится с Ником Хеллером, детищем Джозефа Файндера, в бостонском баре – и там они делают то, что Ричер умеет лучше всех. Плюс Пол Мадриани Стива Мартина оказывается вовлеченным в отношения с Алекс Купер. А удивительный Алоиз Пендергаст встречается лицом к лицу с жутким миром Роберта Л. Стайна.

Я привел лишь несколько примеров того, что ждет вас на следующих страницах. Всем историям этого сборника предшествует вступление, в котором рассказывается о писателях и их персонажах и дается краткая история создания произведения. А в конце приведена биография писателей – возможность узнать побольше о каждом из этих поразительных талантов.

Вам предстоит огромное удовольствие.

Итак, противостояния начинаются.

Дэвид Бальдаччи, июнь 2014 года

МАЙКЛ КОННЕЛЛИ против ДЕННИСА ЛИХЕЙНА

На бумаге эта идея казалась великолепной: свести в коротком рассказе Гарри Босха и Патрика Кензи во время увлекательного расследования! Но Майкл Коннелли и Денис Лихейн быстро поняли, что это легче сказать, чем сделать. Оба персонажа выросли в те места, где они живут, и в работу, которую делают, и их достоверность зависит именно от окружения. Конечно, это вымышленные личности, но их создатели напряженно работали, чтобы не допустить ложных ходов в их деятельности. Если коротко, то Гарри Босх и Патрик Кензи живут, пока выглядят достоверно, и если этого не будет, они умрут для читателей. Никакие хитроумные истории – с достаточными основаниями или без них – не должны привести к этому, не должны все испортить.

Как же два канонических персонажа могут встретиться?

И что еще важнее, кто из них к кому придет?

Отправится ли Босх на восток, в Бостон, к Кензи, или же Кензи двинется в Лос-Анджелес?

С самого начала казалось разумным послать Гарри на восток. В последних книгах он работает в убойном отделе Лос-Анджелеса, который по своей природе предполагает путешествия. Когда люди думают, что им удастся безнаказанно совершить убийство, не исключена смена декораций. Так что многие расследования Босха уводили его из города. Что ж, ладно. Эта проблема решилась. Гарри отправится в Бостон, приступит там к расследованию и встретится с Кензи.

Майкл начал историю в Лос-Анджелесе: рассказал о преступлении, которое Гарри Босх расследует через несколько лет после того, как оно произошло. Решив, что он отследил подозреваемого до Бостона, Гарри отправится туда, чтобы незаметно взять образец ДНК на оставленной кофейной чашке и выброшенном сигаретном окурке. И уже в Бостоне он встретится с Патриком Кензи, который проводит свое расследование, руководствуясь собственными мотивами.

Коннелли написал первые шесть страниц рассказа, прибавив к ним еще несколько с возможными вариантами развития событий, и отправил их по электронной почте Денису, предложив добавить еще шесть страниц или около того, чтобы получился рассказ. Казалось, все должно завершиться быстро и легко, что скоро они закончат эту работу и смогут вернуться к собственным проектам.

Майкл стал ждать ответа.

Он ждал и ждал.

Несколько дней превратились в несколько недель.

Наконец Коннелли не выдержал и написал соавтору новое письмо, в котором спрашивал, получил ли тот начало рассказа. И Лихейн ответил ему законченным произведением: он добавил в него целых двадцать своих страниц, а кроме того, развил и усложнил сюжет, местами сделав его весьма забавным.

И вот перед вами первый поединок.

Красный глаз

2005

Как правило, Гарри Босх избегал туннелей, но когда он покинул аэропорт Логана, миновать туннель было невозможно – либо Тед Уильямс, либо Самнер, на выбор. Глобальная система навигации взятой в аренду машины выбрала Уильямса, поэтому Гарри поехал под Бостонским портом. Машины здесь двигались не слишком быстро, а вскоре и вовсе остановились, и Босх сообразил, что ночной рейс из Лос-Анджелеса прибыл в самый разгар часа пик.

Конечно, этот туннель был намного больше и шире туннелей из его прошлого и тех, что появлялись в его снах. К тому же он был намного лучше освещен и битком заполнен автомобилями и грузовиками – это была настоящая река из стали под обычной, водяной рекой, и текла сейчас лишь одна из этих рек. Но туннель есть туннель, и вскоре Гарри почувствовал, что задыхается – у него начался приступ клаустрофобии. Босх вспотел и принялся в бессильном протесте нетерпеливо нажимать на гудок арендованного автомобиля. Это сразу выдало в нем чужака. Местные не жмут на гудок, они не возмущаются из-за того, что невозможно изменить. Наконец машины пришли в движение. Гарри выехал из туннеля и тут же опустил стекло, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Он дал себе слово на обратном пути отыскать на карте другую дорогу. Досадно, что навигатор не имеет опции «без туннелей» и спокойный путь придется искать самостоятельно.

Протокол убийного отдела Лос-Анджелеса требовал, чтобы сразу по прибытии Босх связался с местными властями. В данном случае с офисом Бостонского полицейского департамента, Округ Е-13, Джамайка-Плейн. Именно там жил Эдвард Пейсли, человек, чью ДНК он прибыл взять – тайком или открыто.

Однако когда речь шла о старых расследованиях, Гарри нередко игнорировал официальный протокол. Обычно он следовал собственному, который предполагал первоначальное знакомство с новой местностью и случайную встречу с подозреваемым, – после чего Босх отправлялся отметить к местным коллегам.

Он планировал проверить адрес Пейсли и, может быть, взглянуть на него, а потом отправиться в отель «Кортъярд Марриотт», в котором зарезервировал номер через Интернет. Возможно, он немного поспит, чтобы компенсировать бессонную ночь в самолете. А с утра можно будет поехать в Округ Е-13 и рассказать капитану или майору, который там всем заправляет, что он прилетел из Лос-Анджелеса, чтобы расследовать убийство, совершенное пятнадцать лет назад. Затем ему почти наверняка предложат в помощь детектива, числящегося у местного начальства не на самом лучшем счету. Сопровождать сыщика, явившегося искать зацепки по делу 1990 года, – не самое приятное задание.

За два дня до этого в баре на Уоррен-стрит, в Роксбери, Донтелл Хоуи спросил у Патрика Кензи:

– У тебя есть дети?

Патрик коротко кивнул, поскольку не знал, как на это ответить.

– Один, должен скоро появиться.

– Когда?

– Теперь уже скоро.

Донтелл улыбнулся. Он был опрятным чернокожим мужчиной немного старше тридцати, с короткими дредами и в такой накрахмаленной рубашке, что идущий от нее запах чувствовался даже в соседнем помещении.

– Первенец? – уточнил Хоуи.

Кензи снова кивнул.

– А ты не староват для этого? – Его собеседник сделал изящный глоток бренди, единственный бокал которого он позволял себе в конце рабочего дня.

В субботу, заверял он Патрика, можно выпить в «Хенни» сколько угодно, но в будние дни и в воскресенье Хоуи ограничивал себя одним стаканчиком, потому что по утрам водил автобус, в котором сидело сорок пять детей, собранных со всего города. Донтелл отвозил их в среднюю школу «Дирборн» в Роксбери, находящуюся примерно в двух кварталах от бара, где он согласился встретиться после работы с Патриком.

– Староват?

Кензи посмотрел на себя в зеркало за стойкой бара – да, он немного поседел, прибавил в весе, и волос у него стало поменьше, но для своих сорока он выглядел неплохо. В особенности если учесть, какими напряженными были эти сорок лет. Впрочем, не следовало исключать, что он себя обманывает.

– Но и ты, Донтелл, едва ли пройдешь прослушивание, если захочешь стать участником бойбэнда¹, – заявил Патрик.

– Но двое моих детей учатся в начальной школе. Когда они поступят в колледж, мы с женой сможем развлекаться во Флориде. И я тогда буду в твоём возрасте.

Кензи рассмеялся и глотнул пива.

А потом голос Донтелла Хоуи стал более низким и серьезным:

– Значит, никто ее не ищет? *До сих пор?*

Патрик небрежно махнул рукой:

– Полиция считает, что это вопрос опеки. Отец – настоящий кусок дерьма, и никто не может его найти. Никто не может найти *ее*, поэтому они думают, что она и так обязательно объявится.

– Но ей всего двенадцать, друг!

Речь шла о Чиффон Хендерсон, девочке из седьмого класса, которую Донтелл Хоуи забирал каждое утро на Бромли-Хит, в Джамайка-Плейн, а через девять часов доставлял обратно на то же место. Три дня назад Чиффон покинула свою комнату в квартире, где жила вместе с матерью и двумя сестрами. Сам факт ее ухода сомнению не подвергался, однако так и не удалось выяснить, был ли он добровольным. Девочка выбралась из спальни через окно. Следов борьбы или взлома в комнате не обнаружили. Правда, мать сказала полиции, что Чиффон часто оставляла окно открытым, когда ночи были теплыми, хотя она тысячу раз просила ее этого не делать.

Полиция сосредоточилась на отце пропавшей, Лонни Каллене, никчемном типе, имевшем четверых детей от разных жен, который не пришел на очередную встречу с инспектором по надзору, и его не сумели найти по последнему известному адресу проживания. Кроме того, ходили слухи, что Чиффон начала встречаться с парнем, жившем в одном из соседних домов, хотя никто не знал его имени и не мог описать его внешность.

Мать девочки, Элла Хендерсон, работала на двух работах. Днем она навещала пациентов четырех врачей-акушеров, а по вечерам убирала офисы. Эта женщина представляла собой классический образец бедняка, живущего ради детей, – тратила на зарабатывание денег так много времени, что его не оставалось на общение с ними. Обычно так продолжалось до тех пор, пока не становилось слишком поздно.

Два дня назад Элла навестила жену Патрика Энджи – в последний раз перед тем, когда на свет должен был появиться ее ребенок. Мисс Хендерсон начала проверять страховку и

¹ Вокальная поп-группа, состоящая из юношей привлекательной внешности и ориентированная на девушек предпоздкового и подросткового возраста. – Здесь и далее прим. пер.

даты рождения родителей будущего новорожденного и неожиданно расплакалась. Она плакала тихо и безнадежно, и при этом на лице у нее оставалась вежливая улыбка, а глаза продолжали смотреть на экран компьютера.

Через полчаса Патрик согласился начать поиски ее дочери. Детектив Эмили Зебровски, которая вела дело об исчезновении девочки, занималась сразу двенадцатью расследованиями одновременно. Она сказала Кензи, что с радостью примет его помощь и что самой ей не удалось обнаружить никаких свидетельств похищения. Однако именно спальня Чиффон могла быть предполагаемым местом преступления – рядом с окном, выходящим в переулок, где до сих пор не заменили фонари, которые под Новый год расстреляли неизвестные пьяницы, рос высокий вяз. В ту ночь из спальни девочки не доносилось ни единого звука. Люди редко исчезают против своей воли, добавила детектив. Такие истории показывают по телевизору, но в реальном мире они случаются не слишком часто.

– Какова рабочая версия? – спросил Патрик.

– Отец, – ответила Зебровски. – У него огромное количество судимостей.

– Какого рода?

– Простите, не поняла?

– Он подонок, – сказал Кензи. – Это сомнений не вызывает. Но обычно закон нарушают по какой-то причине, верно? Всегда есть мотив. Если кто-то крадет своего ребенка, он хочет, чтобы ему заплатили, или рассчитывает, что мать ребенка от него отстанет. Но у матери пропавшей нет денег, и она не подавала в суд на алименты. Неужели вы полагаете, что парень с таким психологическим портретом захочет забрать к себе двенадцатилетнюю дочь, со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Эмили пожала плечами:

– Вы считаете, что засранцы вроде Лонни Каллена обдумывают свои действия заранее? Такие недоумки не знают даже дня своего рождения. Он украл дочь потому, что является преступником и идиотом и контролирует свои поступки не в большей степени, чем блоха на аукционе, где продают домашний скот.

– А как насчет версии о ее парне?

– Мы ею занимаемся.

И вот теперь Донтелл спросил Патрика:

– Ты ведь не веришь, что дело в ее папаше?

Кензи пожал плечами:

– Отцы-бродяги избегают своих детей, а не похищают их – во всяком случае, такие, как Лонни, который слишком долго не появлялся в семье. Ну а что касается теории с парнем, то девочка была знакома с ним всего три дня, они ни разу не ходили в кафе и не встречались с ее друзьями.

– Я могу сказать одно, – заметил Хоуи. – Чиффон – славная девочка, в отличие от свистушек из многоквартирных домов, которые постоянно болтаются на улице и говорят всякие глупости. Она была тихой, но... разумной, понимаешь?

Патрик сделал глоток пива.

– Нет. Расскажи.

– Ну, когда ты поступаешь на такую работу, как у меня, сначала нужно пройти испытательный срок – девяносто дней, в течение которых тебя могут выгнать в любой момент. После этого ты начинаешь работать на город, и нужно сильно нагадить, стать настоящим бен Ладеном, чтобы город от тебя избавился. Несколько недель назад мои девяносто дней прошли, и Чиффон не просто меня поздравила. Она угостила меня кексом.

– Серьезно? – Патрик улыбнулся.

– Конечно, она купила его в магазине, но все равно, – сказал Донтелл. – Это было приятно.

– Согласен, – кивнул его собеседник.

– Через двенадцать лет ты по своему ребенку поймешь, что в таком возрасте дети не думают о других. Все дело в том, что происходит здесь, – он постучал себя по голове, – и здесь, – он указал на свой пах.

С минуты они пили молча.

– А больше ты ничего не помнишь о том дне? Все шло как обычно? – поинтересовался Кензи.

Хоуи покачал головой.

– Это был такой же день, как любой другой. Я сказал: «До встречи завтра, Чиффон», она ответила: «До завтра, Донтелл». И ушла.

Патрик поблагодарил его и заплатил за выпивку. Собирая сдачу со стойки, он вдруг уточнил:

– Так у тебя был испытательный срок?

Шофер кивнул.

– Да, обычное дело.

– Нет, это я знаю, но почему ты начал работать в середине учебного года? Сейчас май. Значит, ты поступил на работу в феврале?

Его приятель кивнул еще раз:

– Да, в конце января.

– А что ты делал до этого?

– Водил туристический автобус. Ездил отсюда во Флориду, в Монреаль или в Портленд – и все зависело от времени года. Меня убивали эти бесконечные часы за рулем. Дерьмо, меня убивала *дорога!* Ну и как только здесь открылась вакансия, я сразу ухватился за эту возможность.

– А почему она открылась?

– Пейсли сел за руль после выпивки, и его поймала полиция.

– Пейсли?

– Парень, которого я заменил. Другие водители говорили, что он настоящий подонок. В автобусе сорок ребяташек, а у него глаза остекленели. Даже союз не стал его защищать. Он съехал на обочину, представляешь? – Донтелл рассмеялся, словно не верил, что такое бывает. – Едва не перевернул автобус. Вышел, чтобы помочиться. Была половина шестого утра. Он вернулся и попытался выбраться обратно, и тут уж автобус перевернулся. А это подсудное дело. Без шансов.

– Пейсли, – повторил Патрик.

– Да, Эдвард Пейсли, – подтвердил Хоуи, – как галстук «пейсли».

Пейсли жил на Уаймен-стрит в одном из серых домов с потускневшей белой отделкой и старым креслом на крыльце. Босх проехал мимо, сделал круг, вернулся и припарковался в половине квартала от дома. Затем он поправил зеркало заднего вида, чтобы видеть входную дверь и крыльцо. Гарри любил вести слежку в одиночку. Если человек предполагает, что за ним могут наблюдать, он смотрит на ветровые стекла автомобилей. И если тыставишь машину так, что твоя цель остается за спиной, тебя намного труднее заметить. Возможно, Эдвард Пейсли и не имел отношения к убийству Летиции Уильямс, которое произошло много лет назад. Но если все же имел, он не мог бы продержаться последние пятнадцать лет, не проверяя ветровые стекла попавшихся ему на пути машин и не соблюдая осторожность.

Босх рассчитывал увидеть в доме какую-то активность, чтобы убедиться, что Пейсли действительно здесь живет. Если повезет, он выйдет погулять или выпить чашку кофе и перекусить. И тогда детектив сумеет получить образец ДНК на его чашке из-под кофе или

корке от пиццы. Возможно, подозреваемый курит – сигаретный окуроч также решит все проблемы.

Гарри вытащил из своего запирающегося чемоданчика досье Эдварда и открыл его, чтобы посмотреть на увеличенную фотографию этого человека: сыщик добыл ее вчера в отделе транспортных средств Массачусетса. Снимок был сделан три года назад. В настоящий момент Пейсли не имел водительских прав после ареста за вождение в нетрезвом виде. Он перевернул школьный автобус, а потом подул в трубочку – и профукал свою работу шофера. А возможно, еще и свободу. У него наверняка взяли отпечатки пальцев, которые поджидали Босха в полицейском управлении. Иногда Гарри везло. Если бы он взялся за расследование убийства Уильямс одиннадцать месяцев назад и представил снятые на месте преступления отпечатки пальцев, то сравнивать их было бы не с чем. Но сыщик занялся этим делом четыре месяца назад и только теперь добрался до Бостона.

Через два часа Пейсли так и не появился, и Босх начал испытывать беспокойство. Возможно, Эдвард ушел из дома до того, как он приехал. Нельзя исключать, что он понапрасну тратит время, наблюдая за пустым домом. Гарри решил прогуляться и заметил ночной магазин, который находился в квартале от дома Пейсли. Значит, теперь он сможет пройти мимо него, рассмотреть с близкого расстояния, а затем купить в магазине газету и галлон молока. Когда он вернется к машине, молоко придется вылить в канаву, а контейнер можно будет использовать, если ему захочется в туалет. Детективу предстоял долгий день.

А из газет он узнает результаты последних бейсбольных матчей. «Доджерам» пришлось играть дополнительный иннинг² с ненавистными «Джайантс», и Босх сел в самолет, не зная, кто победил.

Но в последний момент сыщик решил остаться на месте, увидев, как к тротуару на противоположной стороне улицы подъехал помятый джип «Чероки». В машине сидел одинокий мужчина, и он не вышел из нее, что сразу вызвало у Босха интерес. Мужчина, как показалось Гарри, наблюдал за тем же домом, что и он сам.

Босх заметил, что водитель разговаривал по сотовому телефону, когда подъехал. В течение следующего часа он оставался за рулем джипа и наблюдал за тем, что происходило на улице. Этот мужчина был слишком молод, чтобы оказаться Эдвардом Пейсли, – ему было около сорока лет. Одет он был в бейсболку, темно-синюю футболку с каким-то рисунком и тонкую серую куртку с капюшоном. Чуть позже Гарри сообразил, что показалось ему странным в бейсболке – вместо буквы «Б» ее украшало изображение улыбающегося лица, хотя этот рисунок был не слишком хорошо виден с противоположной стороны улицы. У детектива сложилось впечатление, что этот человек кого-то ждет, возможно, тоже Пейсли.

Постепенно Босх понял, что мужчина на противоположной стороне улицы обратил на него внимание и теперь следит за ним так же незаметно, как он сам наблюдал за незнакомцем.

Они продолжали следить друг за другом, пока не взвыла сирена и по дороге между ними не промчалась пожарная машина. Гарри проследил за ней в зеркало заднего вида, а когда вновь перевел взгляд на противоположную сторону улицы, оказалось, что джип опустел. Сидевший в нем мужчина то ли выскользнул наружу, то ли лежал внутри на полу.

Босх решил, что тот выбрал последний вариант. Он выпрямил спину и внимательно осмотрел улицу и тротуар напротив. Никаких следов пешехода. Тогда сыщик повернулся, чтобы выяснить, что происходит с его стороны, и увидел парня в бейсболке у пассажирской дверцы. Он повернул кепку козырьком назад, как часто поступают полицейские, когда

² Иннинг – период бейсбольного матча, во время которого команды по разу играют в защите и нападении. «Лос-Анджелес Доджерс» и «Сан-Франциско Джайантс» – профессиональные бейсбольные клубы с давней и долгой историей противостояния.

им приходится быстро двигаться. Гарри заметил серебряную цепь, свисавшую с шеи незнакомца на футболку, и решил, что на ней должен быть полицейский жетон. Кроме того, не приходилось сомневаться, что на правом бедре у парня имелся пистолет, размерами заметно превышающий «глок». Мужчина наклонился, чтобы их головы оказались на одном уровне, и сделал характерный жест пальцами, призывая Босха опустить стекло.

Незнакомец, у которого на приборной доске стоял навигатор «Херца», долго смотрел на Патрика, а потом открыл окно. Ему было заметно за пятьдесят, но он находился в хорошей форме. Жилистый и мускулистый. Что-то подсказывало Кензи, что перед ним полицейский. Во-первых, настороженность в его глазах: глаза полицейского никогда не закрываются полностью. А еще то, как он держал руку у бедра, чтобы быстро засунуть ее в спортивную крутку и вытащить «глок» или «смит», если окажется, что Патрик – плохой парень. Кензи обратил внимание, что так он держал левую руку.

– Хороший ход, – сказал незнакомец.

– Да? – спросил Патрик.

Парень кивком показал себе за плечо:

– Послать по улице пожарную машину. Отличный способ отвлечь внимание. Вы работаете на Тринадцатый участок?

Настоящий бостонец всегда разговаривает так, будто он только что оправился от простуды. А голос этого мужчины звучал чисто и притом не легковесно, но уверенно. Приезжий. Не из Бинтауна³. Скорее всего, федерал. Родившийся в Канзасе, прошедший подготовку в Куантико и приехавший сюда по какому-то делу. Кензи решил подыгрывать ему, сколько получится. Он попытался открыть дверцу, но она оказалась запертой. Приезжий коп распахнул дверцу, переставил портфель на заднее сиденье, и Патрик сел в машину.

– Далековато до Сентрал-плаза, верно? – спросил Кензи.

– Вполне возможно, – ответил полицейский. – Вот только я не знаю, где она находится.

– Значит, вы не из бюро. Тогда на кого вы работаете?

После некоторых колебаний мужчина, левая рука которого все еще покоилась на бедре, кивнул, как будто решил рискнуть.

– Департамент полиции Лос-Анджелеса, – сказал он. – Я собирался зайти к вам позднее.

– А что могло привести полицию Л. А. в Дж. П.?

– Дж. П.?

– Джамайка-Плейн. Могу я взглянуть на ваши документы?

Мужчина вытащил толстый бумажник и открыл его так, чтобы Патрик увидел жетон детектива. Его звали Иероним Босх.

– Неслабое у вас имя. Как его следует произносить?

– Гарри будет в самый раз.

– Хорошо. Так что вы здесь делаете, Гарри?

– А как насчет вас? На цепочке у вас на шее нет жетона.

– Почему вы так решили?

Босх покачал головой:

– Я не увидел его очертаний под рубашкой. Это распятие?

Патрик бросил на него быстрый взгляд и кивнул:

– Жена хочет, чтобы я его носил. – Он протянул руку. – Патрик Кензи. Я не полицейский. Обычно я работаю по контракту.

Босх пожал ему руку:

³ Бостона (сленг).

– Вы любите бейсбол, Пат?

– Патрик.

– О'кей, вы любите бейсбол, Патрик?

– Очень. А что?

– Вы первый человек в городе, который не носит бейсболку «Сокс»⁴.

Кензи снял бейсболку и посмотрел на нее, одновременно пригладив волосы рукой.

– Ничего себе, я даже не посмотрел на нее, когда выходил из дома!

– А здесь так принято? Вы все должны представлять «Ред сокс», или как?

– Ну, это не закон – скорее принцип.

Босх снова посмотрел на кепку и вышитое на ней лицо:

– А кто этот парень с кривой улыбкой?

– «Зуб», – ответил Кензи. – Логотип магазина, где я покупаю пластинки.

– Вы все еще покупаете пластинки?

– Компакт-диски. А вы?

– Да. Главным образом джаз. Я слышал, что все это постепенно исчезает. Пластинки, компакт-диски, прежние способы покупать музыку. Будущее за МП-3 и айподами.

– Да, я тоже слышал. – Патрик посмотрел на улицу через плечо. – Мы интересуемся одним и тем же парнем, Гарри?

– Не знаю, – ответил Босх. – Я ищу человека, который совершил убийство в девяностом году. Мне нужно получить его ДНК.

– Что за человек?

– Вот что я вам скажу. Почему бы нам не пойти в Тринадцатый участок и не поговорить с капитаном, чтобы все это стало законным? Я представляюсь, вы представитесь... Полицейский и частный детектив вместе облегчат работу полицейского департамента Бостона. Я не хочу, чтобы мой капитан из Лос-Анджелеса получил звонок от...

– Речь о Пейсли? Вы следите за Эдвардом Пейсли?

Гарри долго смотрел на Патрика.

– Кто такой Эдвард Пейсли? – спросил он наконец небрежным тоном.

– Только не нужно мне вешать лапшу на уши! Расскажите об убийстве девяностого года.

– Послушайте. Вы частный детектив, у которого нет никаких прав, а я полицейский...

– Который не следует протоколу и не вошел в контакт с местными парнями. – Кензи оглядел машину. – Если только где-то рядом не прячется представитель Тринадцатого участка, который мастерски умеет это делать. Я разыскиваю пропавшую девочку, и в связи с ней всплыло имя Эдварда Пейсли. Девочке двенадцать лет, Босх, и она отсутствует уже три дня. Поэтому я хотел бы знать, что случилось в девяностом году. И как только вы мне это расскажете, я стану вашим лучшим другом и все такое.

– Почему же никто не ищет пропавшую девочку?

– А кто сказал, что ее не ищут?

– Но ведь вы делаете это в одиночку!

Патрик уловил печаль в интонациях полицейского из Лос-Анджелеса. Это была та грусть, что возникает не от свежих, неожиданных трагических новостей, а от плохих известий, которые получаешь постоянно. И все же его глаза не были мертвыми: в них пульсировала жажда охоты – возможно, по-настоящему маниакальная. Нет, он не принадлежал к числу тех, кто действует осторожно, старается плыть по течению и считает дни до пенсии. Это был полицейский, который, если потребуется, откроет двери ударом ноги, не беспоко-

⁴ Речь идет о бейсбольном клубе «Бостон ред сокс».

ясь о том, кто может оказаться внутри, и будет продолжать работать, когда другие уйдут на покой.

– Она не того цвета и не той касты, и нет никаких серьезных доводов, чтобы разгрести это дерьмо и уверенно сказать, похитили ее или она сбежала из дома, – объяснил частный детектив.

– Но вы полагаете, что за этим может стоять Пейсли.

Патрик кивнул.

– Почему? – прищурился его новый знакомый.

– У него две судимости за развратные действия в отношении детей.

Босх покачал головой:

– Нет, я проверял – у него нет таких судимостей.

– Вы проверяли в США. Вы не делали запросов в Коста-Рике и на Кубе. Там его арестовывали, приговаривали и вытряхивали из него дерьмо, однако потом он откупался. Но факты арестов зарегистрированы.

– Как вам удалось это узнать?

– Директору средней школы «Дирборн» не понравился Пейсли, когда тот работал там водителем школьного автобуса. Что-то сказала одна девочка, потом мальчик и еще одна девочка, и так далее. Дела на таких вещах не построишь, но этого оказалось достаточно, чтобы директор дважды приглашала Пейсли в свой кабинет на собеседование. – Кензи вытащил из кармана репортерский блокнот и открыл его. – Директор сказала мне, что Пейсли оба раза вел себя вполне адекватно, но слишком часто упоминал молоко.

– Молоко?

– Молоко. – Патрик еще раз заглянул в свои заметки и кивнул. – Во время их первого разговора он сказал директору – Пейсли тогда проработал там год, – что она не имеет отношения к найму на работу водителей школьных автобусов, которым занимаются в центре по управлению человеческими ресурсами, и что ей следует чаще улыбаться, потому что она напоминает ему молоко. А во время второй встречи он сказал, что солнце на Кубе белее молока и что он любит Кубу именно по этой причине – белые там господствуют и все такое. И она запомнила его слова.

– Ясное дело.

– Она запомнила упоминание о Кубе. А добраться до Кубы не просто. Нужно долететь до Канады или до какой-нибудь страны Карибского бассейна, сделать вид, что ты хочешь провести там время, а потом сесть на самолет в Гавану. Вот почему, когда ее самый нелюбимый водитель школьного автобуса был уличен в управлении автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, директор немедленно вышвырнула его вон, но стала размышлять о Кубе. Она взяла его резюме и нашла в нем пробелы – шесть месяцев необъяснимого отсутствия в восемьдесят девятом году и десять месяцев – в девяносто шестом. Наш дружелюбно настроенный директор – и не забывайте, Босх, это действительно ваш друг – продолжала копать. Довольно быстро ей удалось выяснить, что в восемьдесят девятом году Пейсли провёл шесть месяцев в тюрьме Коста-Рики. А потом еще десять отсидел в Гаване. Кроме того, он много переезжал – Финикс, Лос-Анджелес, Чикаго, Филадельфия... И всякий раз пользовался автобусом. У него есть единственный известный родственник – сестра Таша. Когда его дважды выпускали из тюрьмы за границу, она оба раза брала его под опеку. И я готов поспорить, что эта Таша возила с собой сумку с деньгами, которые исчезали, когда она возвращалась домой. Теперь он здесь, а Чиффон Хендерсон исчезла. И вам известно все, что знаю я, детектив Босх, но не сомневаюсь, что вы не можете сказать мне того же.

Гарри откинулся на спинку сиденья – так резко, что заскрипела кожа, – посмотрел на Патрика Кензи и рассказал историю Летиции Уильямс. Ей было четырнадцать, и ее похитили ночью из собственной спальни. Никаких ниточек, минимум улики. Похититель срезал

противомоскитную сетку на окне. Он не стал ее снимать, а проделал в ней бритвой большую дыру и забрался внутрь.

Разрезанная сетка сразу же поставила под сомнение версию о добровольном побеге. И дело не закрыли – как и теперь, в истории Чиффон Хендерсон пятнадцать лет спустя. Детективы, которые занимаются расследованием особо тяжких преступлений, приехали в дом Летиции на следующий день после ее исчезновения. Однако им ничего не удалось найти на месте похищения. Следователи сделали вывод, что похититель или похитители были в перчатках, что они проникли внутрь и сразу лишили девочку способности сопротивляться и кричать, после чего вынесли ее через окно.

Однако на следующее утро удалось найти улику. В переулке за домом, где жила Уильямс, следователи обнаружили фонарик. Сначала они решили, что фонарик принадлежал похитителю и что он его уронил, пока нес свою жертву к машине. Отпечатков на фонарике не осталось – но следствие и так уже считало, что преступник был в перчатках. Однако после тщательного изучения на батарейках все-таки нашли два слабых отпечатка большого и указательного пальцев.

Тогда сыщики решили, что эта ошибка и приведет похитителя к краху. Однако после того как отпечатки отправили в ФБР для сравнения с базой данных, аналога найти не удалось, и улика ничем не помогла следствию.

Ровно через неделю после похищения труп Летиции Уильямс нашли на склоне холма в парке Гриффит, рядом с обсерваторией. Складывалось впечатление, что убийца специально выбрал именно это место, чтобы тело увидели те, кто работает в обсерватории.

Вскрытие показало, что жертву многократно насильовали, а потом задушили. Преступление привлекло пристальное внимание средств массовой информации, им занимался отдел по расследованию особо тяжких преступлений, но со временем дело отправили на полку. Не было никаких улик, никаких свидетельств. В 1992 году в Лос-Анджелесе начались очень серьезные волнения на расовой почве, и такие преступления, как убийство девушки, перестали занимать общественность. Дело убрали в архив, пока в начале нового столетия не появился отдел нераскрытых преступлений. А еще через какое-то время Босх занялся этим сданным в архив делом, и отпечатки удалось идентифицировать – они принадлежали Эдварду Пейсли из Бостона.

– Вот почему я здесь, – закончил свой рассказ Гарри.

– Вы приехали с ордером?

Полицейский покачал головой:

– Нет, ордера на арест у меня нет. Одного лишь совпадения отпечатков недостаточно. Фонарик нашли в переулке, а не в спальне Летиции. Нет прямой связи с преступлением. Я приехал, чтобы добыть ДНК Пейсли. Собирался следовать за ним и как-нибудь получить то, что мне нужно. Дождаться, когда он выбросит стаканчик от кофе, или остатки пиццы, или еще что-нибудь. Тогда я забрал бы улику с собой, чтобы сравнить ее с ДНК спермы, обнаруженной на теле жертвы. После этого можно было бы его брать. И я бы вернулся в Бостон с ордером на арест.

Они сидели в машине, смотрели на улицу, и Босх почувствовал, что Кензи собирается что-то сказать. Патрик не был крупным человеком. У него было дружелюбное мальчишеское лицо, а одевался он как обычный прохожий, из тех парней, что наливают тебе пиво или чинят машину. На первый (и даже на второй) взгляд, вы бы обрадовались, если б такого мужчину привела домой ваша сестра. Но Босх провел рядом с новым знакомым уже достаточно времени, чтобы почувствовать, какой жар бродит в его крови. Большинство людей никогда о нем не узнает – но да поможет Бог тем, кто столкнется с этой стороной его характера!

Правое колено Кензи начало подрагивать, но Гарри сомневался, что сам он это замечает. Наконец Патрик повернулся к нему:

- Вы сказали, что тело девочки нашли через неделю после похищения?
- Верно.
- И оно лежало так, чтобы его сразу заметили работники обсерватории.
- Да, тело принесли туда ночью, и его обнаружили сразу после рассвета.
- Сколько времени она была мертва?

Босх протянул руку к заднему сиденью, взял портфель, вытащил оттуда синюю папку, набитую документами, и заговорил, переворачивая страницы. На самом деле он знал все нужные ответы наизусть и сейчас лишь хотел проверить, правильно ли запомнил то, что говорилось в отчете о вскрытии.

– К тому времени, когда нашли тело, она была мертва семьдесят два часа, – сказал полицейский.

– То есть прошло три дня. Значит, похититель продержал ее у себя четыре дня.

– Верно. Известно, что он многократно...

– Сегодня четвертый день. Если наш ублюдок действует по определенной схеме, нам следует вспомнить, что Чиффон Хендерсон исчезла в понедельник. – Частный сыщик показал через тротуар на один из серых домов. – Нужно попасть туда.

Патрик направился к входной двери, а Босх обошел дом сзади. Кензи сказал полицейскому из Лос-Анджелеса, что он неплохо умеет вскрывать замки, но Пейсли поставил на своей входной двери такой, с какими детектив до сих пор не сталкивался, новый и дорогой – замок за пятьсот долларов на двери стоимостью в сорок. Патрик попробовал несколько отмычек, но ни одна из них не подошла. С тем же успехом можно было пытаться просунуть трубочку для коктейля в скалу.

Когда Кензи уронил отмычку во второй раз и наклонился, чтобы поднять ее, дверь перед ним распахнулась.

Он посмотрел на стоявшего на пороге Гарри Босха, который держал в левой руке «глок».

– Кажется, ты говорил, что умеешь вскрывать замки, – усмехнулся полицейский.

– Очевидно, я переоценил свои возможности. – Патрик выпрямился. – А как ты вошел?

– Он оставил открытым окно, – пожал плечами Босх. – Обычное дело.

Кензи рассчитывал, что они обнаружат внутри настоящую свалку, но ошибся. Дом оказался сравнительно чистым и практически пустым. Современная скандинавская мебель – блестящий хром и белый цвет – плохо сочеталась со старой обшивкой стен и темными обоями. Пейсли снимал этот дом, и, вероятно, хозяин ничего не знал о новом замке.

– Здесь есть нечто, что он от всех скрывает, – заметил Патрик.

– Тогда в доме должен быть подвал, – ответил Босх и показал большим пальцем на прихожую, гостиную и длинный коридор, из которого можно было попасть в другие комнаты. – На этом этаже я уже все осмотрел.

– Ты успел осмотреть весь этаж? И как долго ты собирался держать меня на крыльце?

– Я решил, что через полчаса у тебя закончится терпение и ты выбьешь дверь ногой.

Но ждать столько времени я не стал.

– Сарказм Лос-Анджелеса, – ответил Кензи, когда они шли по коридору. – Следовало быть к этому готовым...

Посреди коридора они увидели темную дверь и переглянулись. Полицейский кивнул – сейчас было самое время.

Патрик вытащил «кольт командер» калибра.45 и снял его с предохранителя.

– Ты видел люк?

Босх удивленно поднял брови:

– Какой люк?

– Ну, люк, ведущий в погреб, вход в подвал. Двойные двери и уходящие вниз ступеньки.

Гарри кивнул.

– Он заперт изнутри, – сказал он и добавил, словно Патрику требовались объяснения: – У нас в Лос-Анджелесе нет подвалов.

– У вас нет снега и коэффициента охлаждения ветром, пропади вы пропадом, – проворчал его напарник и одарил Босха напряженной улыбкой. – А окна, выходящие наружу, в подвале есть?

Полицейский снова кивнул:

– Они закрыты черными шторами.

– Плохо, – заметил частный детектив.

– Почему?

– У нас никто не занавешивает окна подвала, если только у них нет там домашнего кинотеатра или они не занимаются чем-то таким, чего не должны видеть соседи. – Кензи огляделся по сторонам. – Эдвард не похож на человека, который держит у себя домашний кинотеатр.

Босх снова кивнул. От прилива адреналина его зрачки увеличились вдвое.

– Давай обратимся в полицию и сделаем все по закону, – предложил он.

– А если он сейчас там, вместе с ней?

В этом и состояла проблема.

Гарри сделал глубокий выдох. Патрик последовал его примеру, и после этого Босх положил руку на ручку двери.

– На счет три? – шепнул он своему товарищу.

Тот кивнул, вытер правую ладонь о джинсы и сжал пистолет обеими руками.

– Один. Два. Три, – быстро сосчитал Гарри.

Затем он распахнул дверь.

И они увидели толстую внутреннюю обивку двери – не меньше шести дюймов превосходной звуконепроницаемой кожи. Такие обычно делают в студиях звукозаписи. В подвале царил мрак – свет проникал внутрь только из-за спин вломившихся туда детективов и освещал небольшую часть помещения, а все остальное тонуло в темноте. Патрик указал на выключатель, находившийся рядом с ухом Босха, и приподнял брови.

Гарри пожал плечами.

Кензи повторил его жест.

Один черт!

Босх включил свет.

Лестница, как позвоночник, делила подвал на две равные части, и они быстро спустились по ней. Внизу стоял старый ржавый бак отопления.

Гарри молча двинулся налево, Патрик – направо.

Они больше не могли рассчитывать на элемент внезапности.

Теперь сюрпризов следовало ждать им.

С той стороны подвала, которую выбрал частный детектив – передней, – обшивка на стенах была старой и по большей части отсутствовала. В первой отгороженной «комнате» Патрик обнаружил стиральную машину, сушилку и раковину с куском коричневого мыла. Следующая оказалась мастерской с длинным деревянным столом с тисками, который стоял у стены. И больше ничего, кроме пыли и мышинного помета. Однако в последней «комнате» в этом ряду царил порядок. Одна стена – сухая штукатурка, другая – кирпич, между ними дверь. Тяжелая и толстая. И такой же косяк. Если врезать ногой по такой двери, можно сразу заказывать гипс для щиколотки.

Кензи снял левую руку с рукояти пистолета, вытер ее о джинсы, пошевелил пальцами и потянулся к дверной ручке, неловко держа оружие правой рукой на уровне груди. Он выглядел не лучшим образом, но не сомневался, что попадет в центр тела всякого – кроме карлика или великана, – если спустит курок.

Дверная ручка закрипела, когда он ее повернул, в очередной раз доказав истинность слов одного полицейского: «Ты больше всего шумишь в тех случаях, когда стараешься соблюдать тишину». Сыщик распахнул дверь, одновременно упав на колени, так что теперь дуло его пистолета было направлено немного вверх и медленно перемещалось справа налево, пока он пытался осмыслить то, что увидел...

Пещера Эдварда Пейсли.

Патрик шагнул в дверной проем, наступив на коврик «Аризона кардиналс»⁵, и направил пистолет на мягкое кресло с откидывающейся спинкой в цветах «Сан девилс»⁶. Вымпел «Финикс санс»⁷ соседствовал с вымпелом «Финикс койотс»⁸, и Патрику пришлось посмотреть на последний повнимательнее, чтобы вспомнить, что «Койоты» играют в НХЛ.

Теперь он будет знать, что у Аризоны есть профессиональная хоккейная команда.

Патрик нашел бейсбольные биты, подписанные Троем Глаусом, Карлосом Баэрга и Тони Уомаком, бейсболки с автографами Курта Шиллинга и Рэнди Джонсона, фотографии в рамках Шона Мерриона и Джо Джонсона, футбольные и баскетбольные мячи, а также шайбы в плексигласовых коробках, и снова подумал: «У них есть *хоккейная* команда?»

Затем детектив взял битку, подписанную Ши Хилленбрандом, который прославился, выступая за «Сокс» в 2001 году, но переехал в Аризону перед тем, как «Сокс» выиграл финал в прошлом году.

«Интересно, – подумал Патрик, – ему было обидно, или возможность полежать на солнышке в январе того стоила?»

Наверное, нет.

Кензи поставил битку на место, когда услышал какое-то движение в подвале. Стремительное и целенаправленное. Кто-то бежал.

И не от кого-то, а куда-то.

Гарри двигался по подвалу вдоль стены и не видел ничего интересного, шагая по неровному полу, пока не оказался в замкнутом пространстве, где древний водонагреватель встречался с доисторическим масляным радиатором. Здесь воняло машинным маслом, плесенью и окаменевшими вредителями. И если бы Босх не искал девочку, которой грозила смертельная опасность, он мог бы не заметить коридор, начинавшийся с противоположной стороны от нагревателей. Однако его тонкий фонарик нашел дыру в темноте за переплетением труб и воздуховодов, свисавших с потолка.

Полицейский прошел мимо нагревателей и оказался в узком длинном проходе, в котором едва мог поместиться взрослый мужчина.

Как только Гарри вошел в туннель, он сразу понял, что здесь негде спрятаться – ни справа, ни слева. Тыходишь в него и идешь до самого конца. И если тот, кто желает тебе зла, появится в начальной или конечной точке, пока ты находишься между ними, твоя судьба будет находиться в его руках.

⁵ Профессиональный футбольный клуб (американский футбол).

⁶ Спортивная команда Аризонского университета.

⁷ Баскетбольная команда из Финикса, штат Аризона.

⁸ Профессиональный хоккейный клуб из Финикса.

Когда Босх добрался до конца туннеля, он весь покрылся потом. Наконец детектив шагнул в просторное помещение с темными кирпичными стенами и дренажной канавой ровно посередине каменного пола. Он осветил комнату тонким лучом фонарика и обнаружил лишь металлический контейнер. Обычно такие использовали для перевозки больших домашних собак. Контейнер был накрыт синим брезентом, привязанным к нему девятью амортизирующими тросами.

И он двигался.

Гарри опустился на колени и потянул за брезент, но тросы надежно удерживали его на месте – три охватывали контейнер поперек и шесть – вдоль. Тросы были закреплены застежками у его основания и так сильно натянуты, что расстегнуть их одной рукой он не мог. Босх положил «глок» на пол около ног, рядом с раскачивающимся контейнером, и услышал жалобный плач.

Он расстегнул застежки у первого троса, но ему не удалось заглянуть внутрь. Тогда полицейский взял фонарик в зубы и принялся работать со вторым.

И в этот момент все вокруг залило белое сияние – словно кто-то подвесил солнце в футе над головой Гарри или включил свет на бейсбольном стадионе.

Босх ослеп. Он схватил «глок», но его со всех сторон окружал лишь белый свет. Он даже не знал, где находится стена, и не видел контейнер, хотя стоял на коленях перед ним.

Гарри услышал царапающий звук слева от себя и повернул туда пистолет, но такие же звуки раздались справа, с той стороны, где он был менее защищен. Полицейский выставил «глок» поперек тела, и его глаза уже успели настолько приспособиться к яркому свету, что он уловил тень. А затем, судя по звукам, что-то очень твердое превратило нечто менее твердое во что-то совсем мягкое.

Кто-то издал приглушенный вопль и упал на пол в ослепительном свете.

– Босх, – позвал Патрик, – это я! Закрой глаза на секунду.

Гарри закрыл глаза и услышал звук бьющегося стекла – точнее, оно треснуло, – после чего почувствовал, как жар у его лица уменьшился на несколько градусов.

– Кажется, теперь все нормально, – сказал Кензи.

Его напарник открыл глаза, заморгал и тут же разглядел ряд ламп высоко на стене – каждая не меньше семисот ватт. Все они были разбиты, за ними виднелись огромные черные конусы. Всего восемь светильников. Частный сыщик сдвинул в сторону штору на маленьком окне, которое находилось в верхней части стены, и мягкий полуденный свет проник в комнату, точно принятая молитва.

Босх посмотрел на хрипящего Пейсли, который лежал на полу справа от него: на голове здоровенная ссадина, из носа течет розовая кровь, изо рта – красная. Дергающаяся правая рука накрывает мясницкий нож.

Патрик Кензи держал в правой руке бейсбольную битку. Приподняв брови, он повертел ее в руках:

– Подписана Ши Хилленбрандом...

– Я даже не знаю, кто это такой, – отозвался полицейский.

– Ясное дело, – сказал Патрик. – Откуда же болельщику «Доджерс»...

Босх вернулся к тросам, напарник присоединился к нему, и вскоре они сняли брезент. В контейнере находилась Чиффон Хендерсон, лежащая в позе зародыша, – иначе она просто не поместилась бы в нем. Патрик начал возиться с дверцей, но Гарри просто снял крышу контейнера.

Рот, запястья и щиколотки Чиффон были заклеены скотчем. Детективы увидели, что ей трудно вытянуть конечности, однако Босх посчитал это хорошим знаком – Пейсли держал похищенную в клетке, но явно пока не трогал. Судя по всему, он собирался начать сегодня – закуска перед убийством.

Напарники принялись освобождать от клейкой ленты рот девочки и заспорили: Гарри требовал, чтобы Патрик как можно осторожнее обращался с волосами, а тот, в свою очередь, просил товарища не повредить ей губы.

Когда скотч удалось снять и они принялись за запястья подростка, Босх спросил:

– Как тебя зовут?

– Чиффон Хендерсон, – простонала девочка. – А вас?

– Я Патрик Кензи, – отозвался частный детектив. – И я здесь один, больше со мной никого не было. Договорились, Чиффон?

Гарри склонил голову набок.

– Ты полицейский, – начал объяснять ему Патрик. – Из другого города. Даже мне будет не просто выбраться из этого дерьма, а про тебя можно и не говорить! Ты лишишься своего значка. Если только у тебя нет ордера на обыск, которого я пока не видел...

Босх задумался.

– Он тебя трогал, Чиффон? – спросил тем временем Кензи.

Девочка плакала и дрожала. Она отрицательно покачала головой, но потом кивнула:

– Совсем немного. Он сказал, что все впереди. И объяснил, *что* меня ждет.

Частный сыщик посмотрел на хрипящего на цементном полу Эдварда Пейсли. Глаза у него закатились, возле головы натекла лужица крови...

– У ублюдка впереди только удар, который последует за комой, – проворчал Кензи.

Освободив руки Чиффон, он опустился на колени, чтобы снять клейкую ленту с ее ног. Внезапно девочка изрядно удивила Босха, крепко обняв его двумя руками, и он почувствовал ее горячие слезы на своей рубашке. А потом сам себя удивил, поцеловав ее в макушку.

– Чудовища больше нет, – сказал Гарри. – Оно исчезло навсегда.

Патрик закончил с лентой и отбросил ее в сторону.

– Надо доложить куда следует, – сказал он, доставая сотовый телефон. – Я предпочел бы избежать обвинений в попытке убийства, если ты понимаешь, о чем я говорю. Похоже, он в паршивом состоянии.

Гарри посмотрел на мужчину, лежавшего у его ног. Он был похож на стареющего «ботаника» – вроде тех, что считают налоги в торговых центрах. Еще один маленький человечек с грязными желаниями и отвратительными кошмарами. Странно, как часто подобные монстры оказываются столь жалкими! Но Кензи был прав – если ему не оказать помощь, он умрет.

Патрик набрал «911», но не стал нажимать кнопку вызова и протянул руку своему новому другу:

– Если я когда-нибудь попаду в Лос-Анджелес...

Босх пожал ему руку:

– Забавно, но я не могу представить тебя в Лос-Анджелесе.

– А я не могу представить тебя вне Лос-Анджелеса, хотя ты стоишь здесь, передо мной... Береги себя, Гарри!

– А ты – себя. И спасибо. – Полицейский посмотрел на Пейсли, которому предстояла в лучшем случае реанимация. – Хм-м-м... за это.

– Был рад помочь.

Босх направился к выходу из подвала. Патрик знал, что теперь делать, и действовал быстро. Гарри положил ладонь на ручку двери и оглянулся:

– И вот еще что...

Кензи уже поднес телефон к уху; другой рукой он обнимал Чиффон за плечи.

– Да?

– Существует ли способ добраться до аэропорта, минуя туннель? – со вздохом спросил Гарри Босх.

ИЭН РЭНКИН против ПИТЕРА ДЖЕЙМСА

Мысли о размещении персонажей из разных вселенных в одной истории часто посещают писателей, как правило, после очередного стаканчика на вечеринке по окончании съезда или конференции. Однако сразу же возникают технические трудности, и «замечательная идея» умирает, задвинутая на дальнюю полку, – ей не суждено увидеть свет следующего дня. Так что Питер Джеймс и Иэн Рэнкин знали, какие проблемы их ждут, если они попытаются организовать встречу своих героев.

Во-первых, Рой Грейс и Джон Ребус принадлежат к разным поколениям и их происхождение имеет мало общего. Они совсем не одинаково относятся к тому, как следует использовать закон, а кроме того, их разделяет расстояние в пятьсот миль – Грейс живет в Брайтоне, городе-курорте на южном побережье Англии, а Ребус – в Эдинбурге, столице Шотландии. И хотя обе эти страны являются частью Великобритании, у них имеются собственные, отличающиеся друг от друга, правовые системы и нормы.

Эти герои разные, как день и ночь.

И как эти два человека смогут работать вместе?

Поклонники Джона Ребуса знают, что он очень любит музыку, вырос в начале шестидесятых годов двадцатого века и его героями были «The Who»⁹. Действие одного из их самых известных альбомов, «Квадрофения», частично происходит в Брайтоне в те времена, когда две соперничающие молодежные банды (моды и рокеры) дерутся в районе порта. Для многих людей в Великобритании жестокие схватки между аккуратными и хорошо одетыми модами и лохматыми рокерами в кожаных куртках являются воплощением Брайтона.

Так возникла идея.

Преступление из той эры, привлечшее внимание через десятилетия, благодаря человеку, находящемуся на смертном одре в Эдинбурге. Ребус должен решить, стоит ли расследовать столь древнюю историю, и в конце концов обращается за помощью к Рою Грейсу. Каждому из них предстоит совершить путешествие во вселенную коллеги, оценить их различия в восприятии и понять, как другой понимает преступный мир.

Как я уже говорил.

День и ночь.

Здесь возникла возможность появиться второстепенным персонажам и вступить в легкую конфронтацию. В результате получилась история, расцвечивающая мифологию серий Питера и Иэна, но верная духу их книг.

⁹ «The Who» – знаменитая британская рок-группа.

В самое время

Его звали Джеймс Кинг, и ему было в чем признаться.

Жена Джеймса поджидала Джона Ребуса в коридоре больницы. Она подвела его к постели больного, сказав, что ее мужу осталась одна или две недели, возможно, даже меньше.

Кинг лежал на кровати; кислородная маска закрывала часть его изможденного небритого лица. Под глазами умирающего залегли темные круги, грудь его поднималась и опускалась с видимым трудом. Он кивнул жене, и она тут же принялась задергивать занавеску вокруг кровати, чтобы отделить Кинга и Ребуса от остальных пациентов. Больной сдвинул маску, и она оказалась у него под подбородком.

– Документы? – потребовал он. Джон вытащил из бумажника карточку офицера полиции, и Джеймс долго вглядывался в фотографию, прежде чем дать какие-то объяснения. – Меня не удивило бы, если б Элла уговорила какого-нибудь типа сделать вид, что он полицейский. Она думает, что на меня так действуют лекарства.

– Как именно? – спросил Ребус, опускаясь на стул рядом с кроватью.

– Заставляют выдумывать несуществующие события. – Кинг замолчал, разглядывая посетителя. – Вы выглядите не намного моложе меня.

– Благодарю за комплимент.

– Из этого следует, что вы помните модов? Начало шестидесятых?

– Я и не думал, что они добрались так далеко на север. Однако мы интересовались музыкой...

– Я вырос в Лондоне. У меня был «Ламбретта»¹⁰ и соответствующая одежда. И все мои заработки уходили либо на одно, либо на другое. А на выходные я отправлялся в Брайтон или Маргит. Брайтон мне нравился больше...

Кинг замолчал, и в его глазах появилось рассеянное выражение.

Опухоль в его теле стала слишком большой, и он уже не мог справиться с болью, которую она вызывала.

«Интересно, какие болеутоляющие ему дадут?» – подумал Ребус. У него у самого разболелась голова. Может быть, здесь найдется пара таблеток и для него? Из-за занавески послышалось громкое хрипение – еще один пациент пришел в себя и у него начался приступ кашля. А Джеймс тем временем вернулся к настоящему, отбросив давние воспоминания.

– Ваша жена, – напомнил ему полицейский. – Она позвонила мне и сообщила, что вы хотите что-то рассказать.

– Именно это я и пытаюсь сделать, – с некоторым раздражением ответил Кинг. – Я рассказываю вам историю.

– О том, как вы были модом?

– О времени, которое я проводил в Брайтоне.

– Вы и ваш мотороллер?

– И сотни парней вроде меня. Для нас это было религией, образом жизни, который мы собирались унести с собой в могилу. – Он немного помолчал. – И мы ненавидели рокеров почти так же сильно, как они нас.

– Рокеры были байкерами? – уточнил Джон, и его собеседник кивнул. – Отчаянные драки на побережье, – продолжал он. – Я помню это из «Квадрофении»¹¹.

¹⁰ Культовый бренд итальянских мотороллеров (скутеров).

¹¹ Эта культовая рок-опера группы «The Who» позже была экранизирована.

– Тогда все становилось оружием. Я носил с собой нож, который взял на кухне у матери. Но еще мы использовали бутылки, кирпичи, доски...

Ребус понял, что он сейчас услышит, и наклонился поближе к постели:

– И что же случилось?

Кинг немного подумал, а потом поднес ко рту маску и глотнул кислорода, прежде чем произнести то, что собирался:

– Один из них – весь такой в джинсах, измазанных машинным маслом, двойные подвороты брюк на три дюйма, кожаная крутка и футболка – побежал не в ту сторону и оказался отдельно от остальной банды. Несколько наших начали его преследовать. Он понимал, что ему от нас не убежать, и поэтому заскочил в отель, находившийся на площади. Я помню, как мы хохотали, словно это была игра. Но игры закончились, когда мы окружили его в кладовой за кухней. Сначала мы били его руками и ногами, но когда он достал нож, я вытащил свой. И оказался проворнее его. Нож моей матери все еще торчал из его груди, когда мы сбежали. – Кинг посмотрел на Ребуса широко раскрытыми глазами. – Я оставил его умирать. Вот почему я хочу, чтобы вы меня арестовали. – Его глаза увлажнились. – С тех пор прошло много лет, но я каждый день вспоминал о том, что тогда произошло, и ждал, когда кто-то из вас постучит в мою дверь. Но никто не пришел. Никто не пришел...

Вернувшись на второй этаж своего многоквартирного дома, Джон Ребус выкурил пару сигарет и вытащил виниловую пластинку «Квадрофения». Просмотрел буклет с фотографиями и прочитал короткую статью, которая их сопровождала, а потом снял телефонную трубку и позвонил инспектору Сиобан Кларк.

– Да? – сказала она.

– Речь пойдет о древней истории, – начал Джон. – Лето шестьдесят четвертого года. Полагаю, мне о ней рассказали, потому что кто-то принял меня за олицетворение того времени. Причем преступление совершено даже не в Эдинбурге.

– А где?

– В Брайтоне. Моды и рокеры. Кровь в ноздрях и адреналин в крови. – Джон выдохнул сигаретный дым. – Это произошло почти пятьдесят лет назад. Мне сделал признание старый человек, которому осталось жить несколько дней, – он считает, что совершил убийство. Однако в больнице ему дают такие сильные препараты, что он мог бы рассказать, что является давно исчезнувшим братом Кита Муна¹².

– И что вы думаете?

– Я бы предпочел, чтобы он позвал священника.

– Вы предполагаете, что стоит съездить на юг?

– В Брайтон?

– Хотите, чтобы я нашла для вас кого-нибудь в Управлении уголовных расследований?

Ребус потушил сигарету.

– Кинг назвал мне имена парней, которые там были, когда он ударил жертву ножом.

– И кто эта жертва?

– Джонни Грин. Об убийстве писали в газетах. Кинг был ужасно напуган и с этого момента перестал быть модом.

– А те, кто был вместе с ним?

– Он никогда больше не видел никого из них. Очевидно, это стало частью сделки, заключенной им с самим собой.

– И он жил со своим чувством вины пятьдесят лет...

– Жил и умирал.

¹² Кит Мун (1946–1978) – барабанщик рок-группы «The Who».

– Если б он тогда признался, то уже отбыл бы наказание и вышел на свободу.

– Я подумал, что лучше ему об этом не говорить.

Ребус услышал, как его собеседница вздохнула.

– Я найду вам кого-нибудь в Брайтоне, – после небольшой паузы пообещала она. –

Разделенная ответственность и все такое.

Джон поблагодарил ее и повесил трубку, а затем взял первый из двух дисков «Квадрофении» и поставил его на проигрыватель. Он никогда не был модом, но в те времена хорошо знал эту пластинку¹³. Налив себе мятного чая, полицейский прибавил громкость.

Впервые за несколько месяцев, после серии убийств в Брайтоне этой весной, Рой Грейс наконец получил возможность сосредоточиться на работе с нераскрытыми делами, которыми он должен был заниматься после слияния групп по расследованию особо важных дел Сассекса и Суррея. Он как раз устроился за письменным столом в своем кабинете, когда вошел сержант уголовной полиции Норман Поттинг. Как всегда, он даже не постучал; его редущие волосы были растрепаны больше обычного, и от него сильно пахло трубочным табаком. В руках Норман держал открытый блокнот.

– Шеф, утром поступил интересный телефонный звонок из Шотландии от детектива Сиобан Кларк. К сожалению, у нее английский акцент. Мне всегда хотелось познакомиться с шотландской красоткой...

Грейс приподнял брови:

– И?..

– Один из ее коллег посетил пациента в больнице Эдинбурга, очевидно, смертельно больного, который сделал предсмертное признание в убийства рокера в Брайтоне летом шестьдесят четвертого года.

– Так давно? Он же умирает, почему бы ему не оставить свои признания при себе?

– Может быть, он рассчитывает избежать ада...

Рой покачал головой. Он никогда не верил в религиозные догматы, касающиеся признания и прощения.

– Но это же твоя область, Норман, верно? – спросил Грейс.

– Ха!

Поттингу было пятьдесят пять, но его бесформенный торс и дряблое лицо вполне подошли бы человеку на десять лет старше.

– Я имел дело с Эдинбургом, – сказал Рой, – однако ни разу не встречал никого с фамилией Кларк.

Сержант заглянул в свой блокнот:

– Ее коллегу зовут Ребус.

– А *это* имя мне известно, – кивнул Рой. – Он расследовал убийство Волфмана в Лондоне. Но я думал, он ушел в отставку.

– Однако она назвала именно его имя.

– И что еще она сказала?

– Предсмертное признание сделал Джеймс Родни Кинг. Тогда он был модом. Он утверждает, что убил Джонни Грина.

На одном из свободных столов зазвонил телефон, но Грейс не стал снимать трубку. На стенах кабинета висели фотографии жертв убийств, которые так и не были раскрыты, а также снимки с мест преступления и пожелтевшие вырезки из газет.

– Как он его убил? – поинтересовался Рой.

– Ударил кухонным ножом – сказал, что носил его для самообороны.

¹³ Здесь автор немного путает: указанный альбом появился почти на 10 лет позже описываемых событий, в 1973 г.

– Настоящий маленький солдат! – с иронией фыркнул Грейс. – А ты успел проверить, соответствуют ли его слова действительности?

– Да, шеф! – с гордостью сказал Поттинг. – Об этом меня попросила детектив Кларк. Джонни Эрл Грин умер во время одного из столкновений между модами и рокерами девятнадцатого мая шестьдесят четвертого года. Одна из самых крупных вспышек насилия в регионе.

Рой перевернул страницу записной книжки и сделал несколько заметок:

– Во-первых, нужно найти отчет о вскрытии Грина и фотографии этого дела и отправить их в Шотландию, чтобы мистер Кинг опознал жертву – если он еще что-то помнит...

– Я уже затребовал их в офисе коронера, шеф, – ответил Норман. – Кроме того, я отправил запрос в Королевскую больницу Сассекса. Возможно, его привезли туда, если он умер не сразу.

– Вот и молодец... – Рой Грейс задумался. – Мой отец был в те времена констеблем. Он часто рассказывал мне, что Брайтон временами становился зоной военных действий.

– Может быть, вам стоит его расспросить – вдруг он что-то помнит о той истории?

– Хорошая мысль. Но сначала нужно будет найти медиума.

Прошло некоторое время, прежде чем сержант сообразил, что это значит.

– Извините, шеф, я не знал, – нахмурившись, пробормотал он.

– Ну, тебе такие вещи знать совсем не обязательно.

Два дня спустя Норман Поттинг вернулся в кабинет нераскрытых дел со стопкой больших конвертов, которые он сложил на письменный стол своего начальника. Затем взял верхний конверт, где лежал отчет о вскрытии Джонни Эрла Грина.

– Не сходится, шеф, – вздохнул старый сержант. – Посмотрите на причину смерти.

Грейс внимательно изучил документ. Список ранений выглядел мрачно:

Множественные переломы черепа привели к субдуральным и экстрадуральным кровотечениям, а также непосредственному повреждению мозговой ткани фрагментами черепа, попавшими в мозг.

Осколки ребер привели к флотации грудной клетки и рваным ранам печени, селезенки и легких.

Обширные переломы верхней и нижней челюсти и кровотечение привели к блокировке верхних дыхательных путей и фатальному проникновению крови, а также тяжелым повреждениям трахеи, вызвавшим смещение верхних позвонков.

Тяжелые удары ног по ребрам привели к разрывам грудных и брюшных органов.

Множественные переломы мелких костей рук и запястий свидетельствуют о том, что жертва пыталась защищаться, приняв позу зародыша. Повреждены яички и мошонка.

Рой нахмурился и посмотрел на сержанта:

– Здесь ничего не сказано о ножевых ранах. Джеймс Кинг из Эдинбурга уверен, что он наносил жертве удары ножом?

– Двадцать минут назад я беседовал с Джоном Ребусом. У Кинга нет никаких сомнений – он ударил Грина кухонным ножом в грудь и сбежал, оставив тело на месте преступления.

– Едва ли патологоанатом мог пропустить ножевое ранение, даже в те дни, – сухо заметил Грейс.

– Согласен.

– Из чего следует, что Джонни Грин не был жертвой Кинга – или я чего-то не понимаю?

– Нет, шеф. – Поттинг улыбнулся и открыл другой конверт. – Я получил это из больницы. Нам повезло. Еще год, и все записи были бы уничтожены. В субботу, девятнадцатого мая шестьдесят четвертого года, в больницу поступил пациент с ножевым ранением. Из его груди торчал кухонный нож «Сабатьер». Парня звали Оливер Старр. Он был студентом отделения гуманитарных наук и членом банды байкеров Эссекса. Лезвие ножа повредило спинной мозг, и его перевели в больницу Стока Мандевилля в Бакингемшире, которая специализировалась на подобных травмах.

– В отчетах сказано, что с ним случилось?

– Нет, но я нашел имя офицера, который прибыл на место преступления и сопровождал его в окружную больницу. Констебль Джим Хоппер.

Грейс принялся быстро считать в уме. Был 2013 год. Событие, о котором шла речь, произошло сорок девять лет назад. Большинство полицейских начинают служить до того, как им исполняется двадцать лет...

– Возможно, констебль Хоппер еще жив, Норман, – проговорил Рой. – Должно быть, ему за семьдесят или за восемьдесят. Свяжись с Сандрой Лидер, это председатель ассоциации вышедших в отставку полицейских офицеров Брайтон-энд-Хоува. Или с Дэвидом Роулендом – он управляющий местным отделением Национальной ассоциации полицейских в отставке.

– Уже, шеф. Полагаю, вас это заинтересует. Констебль Хоппер ушел в отставку в качестве инспектора, но он все еще с нами. Более того, поддерживает отношения с Олли Старром. Тот, похоже, живет в Брайтоне, и его возмущает, что напавший на него человек так и не понес наказания.

– Он сообщил тебе адрес Старра?

– Он его добудет. И еще он пригласил нас на вечеринку.

Грейс прищурился:

– На вечеринку?

– Отставных полицейских Брайтон-энд-Хоува. Она состоится в эту субботу в пивной «Спортсмен» стадиона «Уитдин».

– Насколько мне известно, Ребус не из тех, кто отказывается от выпивки.

Поттинг заметно оживился:

– Полагаю, инспектор Кларк тоже может изъявить желание присутствовать?

– Вполне возможно...

Рой посмотрел на календарь. Была среда. Оставшаяся часть недели не сулила никаких срочных дел. Он обещал провести время со своей любимой Клео и их ребенком Ноа. Если он договорится о встрече с новым напарником на субботу, то в его распоряжении останется все воскресенье. Вопрос лишь в том, захотят ли Ребус и Кларк работать в выходные?

– Дай мне их номер в Эдинбурге, – сказал он сержанту.

В субботу, в десять тридцать утра, встретив Джона Ребуса и Сиобан Кларк, прилетевших ранним рейсом в Гатуик¹⁴, Грейс и Поттинг отвезли их в Брайтон, сделав небольшой крюк, чтобы посмотреть на пляж и павильон.

– Вы здесь уже бывали? – спросил Норман у Кларк, поворачивая голову, чтобы получше ее рассмотреть.

– Нет, – ответила та, не отрывая взгляда от окна.

– Во время выходных тут много народу, – объяснил Рой. – Люди приезжают из Лондона на один день.

– Как в шестьдесят четвертом году, – заметил Джон Ребус.

¹⁴ Крупный международный аэропорт к югу от Лондона.

– Да, как в шестьдесят четвертом, – эхом отозвался Грейс, встретив взгляд старика в зеркале заднего вида.

– Вы работаете над нераскрытыми делами? – спросил Джон.

– В качестве дополнительной нагрузки, – подтвердил его новый напарник.

– Я тоже этим занимался, пока меня не спасла Сиобан, – произнес Ребус так, словно не любил быть кому-то обязанным.

– На вашей шее висит много преступлений? – спросил Поттинг у Кларк.

– Достаточно, чтобы мы не скучали, – отозвалась та.

– Но у нас тут... – начал было рассказывать сержант, однако его перебил Грейс:

– Это не соревнование.

Хотя на самом деле он понимал, что это не так, и, когда взгляды Грейса и Ребуса вновь встретились в зеркале, оба они коротко утвердительно улыбнулись.

В зале для совещаний в полицейском департаменте Сассекса их сперва угостили кофе, а потом они начали смотреть видео, предоставленное Эми Ханна из отдела по связям со СМИ. Она сделала склейку из новостей 19 мая 1964 года, которая сопровождалась звуковым рядом того времени: «Дейв Кларк Файв», «Кинкс», «Роллинг стоунз», «Битлз» и другие.

– Отличная деталь, – заметил Джон, когда играли «The Kids Are Alright»¹⁵.

С опущенными шторами они смотрели на многочисленные ряды модов между Дворцом и Западным Пирсом – многие были на мотороллерах, в тонких галстуках, белоснежных рубашках, строгих костюмах и куртках, вооруженные ножами, – и рокеров в кожаных куртках с заклепками, часть из которых размахивали тяжелыми цепями и другим холодным оружием. Рокеры внешне не слишком отличались от нынешних «Ангелов ада», если не считать причесок в стиле «помпадур».

Готовые к схватке батальоны брайтонских полицейских офицеров в белых шлемах, пешие и в конном строю, размахивали дубинками, а в них летели камни и бутылки.

Сиобан Кларк удивленно тряхнула головой:

– Я понятия об этом не имела!

– О, это было паршиво... – сказал ей Грейс. – Моя мама рассказывала, что отец часто приходил домой с синяками на лице, разбитым носом или рассеченной губой.

– Сражения двух диких племен, – добавил Поттинг.

– На севере нечто похожее происходит во время драк между болельщиками «Селтика» и «Рейнджерс»¹⁶, – добавил Ребус.

– Здесь все было иначе, – возразил Рой. – Если хотите, я готов изложить вам свою теорию.

– Давайте, – заинтересовался Джон.

Его напарник наклонился вперед:

– Эти парни были первым поколением в нашей стране, которому не пришлось сражаться на войне. И они вымещали так свою агрессию, в том числе и друг на друге.

– Подобные вещи можно наблюдать сейчас по субботам, – задумчиво добавил Ребус. – Молодые люди оценивают друг друга, провоцируют, хотят привлечь к себе внимание...

– Болтаются в центре по несколько часов, – добавил Поттинг, делая вид, что смотрит на часы.

Когда фильм закончился, Джон заявил, что ему необходимо покурить.

– Я с вами, – предложил Грейс.

– И я, – заявил Норман, доставая из кармана трубку.

Сиобан Кларк покачала головой.

¹⁵ Старый хит группы «The Who».

¹⁶ Названия двух популярнейших шотландских футбольных клубов.

– Идите, парни, – сказала она и взяла пульт, чтобы еще раз посмотреть старые записи.

После рыбы с жареным картофелем в «Палм корт» на пирсе Брайтона они направились в пивную «Уитдин», где вечеринка уже была в самом разгаре.

– Пенсионеры? – фыркнул Ребус. – Большинство из них моложе меня! – Он оглядел сотню с лишним бывших полицейских.

– Полная пенсия после тридцати лет службы, – заметил Грейс.

– В Шотландии то же самое, – объяснила Кларк. – Но Джон отказывается.

– Почему? – с искренним интересом спросил Рой.

Сиобан наблюдала за Ребусом, который направился к стойке бара. Поттинг не отставал от него.

– Для него это больше чем работа, – объяснила Сиобан. – Если вы понимаете, о чем я.

Грейс немного подумал и кивнул:

– Прекрасно понимаю.

Когда они добрались до стойки, Норман объяснил Джону, что «Харви» – далеко не лучшее местное пиво.

– Главное, что это пиво, а не херес, – пошутил Ребус.

Когда они заказали выпивку, Поттинг отвел всех троих своих спутников к отставному инспектору Джиму Хопперу, который оказал первую медицинскую помощь раненому Олли Старру в тот субботний день 1964 года. Хоппер оказался настоящим великаном с бритой головой, вздымающейся над плечами практически без шеи. Он походил на игрока в американский футбол, но его доброжелательный взгляд и манеры смягчали первое впечатление. Норман протянул ему выпивку. Отставник сделал глоток и только после этого заговорил:

– Я предупредил Олли, что вы можете приехать, чтобы поговорить с ним. Он испытал огромное облегчение. С тех пор, как его пырнули ножом, его жизнь стала дерьмовой.

– Вы поддерживаете с ним связь? – задал наводящий вопрос Ребус.

– О да. По правде говоря, я всегда считал, что в этой истории есть моя вина. Если бы в тот день на улицы вышло больше полицейских или если бы мы раньше заметили, что его преследуют... – Джим поморщился от печальных воспоминаний. – Я ехал с ним в машине «Скорой помощи». Он думал, что умирает, и рассказал мне историю своей жизни, словно я был его единственным другом.

– Как вы думаете, он сумеет опознать напавшего на него человека после стольких лет? – спросила Кларк.

– Я совершенно в этом уверен. Теперь такое произойти не может, у нас есть система видеонаблюдения и тесты на ДНК. Сейчас никому не удастся уйти от ответственности, – заверил ее Хоппер.

– Но история произошла почти полвека назад, – напомнил ему Ребус. – Вы уверены, что он все помнит?

Мрачная улыбка появилась на лице отставного полицейского:

– Хотите убедиться лично?

– В чем именно?

– Навестите его, и все поймете.

– Он женат? – поинтересовалась Сиобан.

Джим покачал головой:

– Насколько мне известно, его жизнь закончилась в тот день. Он получил удар ножом в грудь, а потом эти трусы сбежали.

Они довольно долго молчали. Все вокруг оживленно разговаривали, но каждый из собеседников Хоппера погрузился в размышления.

– Дайте нам его адрес, – наконец попросил Ребус, разрушив магию молчания.

Рой Грейс не раз бывал в отвратительных местах вроде жилища Олли Старра. Его квартира, худшая из всех в доме, находилась на первом этаже, прямо около свалки на окраине Брайтона. В ней было сыро, и на стене крошечного коридора проступили пятна плесени. Войдя в гостиную, полицейские увидели, что повсюду валяются пустые пивные бутылки, пепельницы, наполненные окурками, и грязная одежда. На мутном экране древнего телевизора шел футбольный матч.

Однако никто из детективов не обратил внимания на футбол. Все изумленно смотрели на карандашные наброски, покрывавшие практически каждый дюйм пустых в остальном стен. Со всех рисунков на них смотрел мужчина с застывшим лицом. Грейс понял, что это один и тот же человек, но он постепенно старел: на первых картинках ему было около двадцати, на следующих он становился все старше – и так до почти семидесяти лет. На каждом портрете у него была другая прическа, он бывал с бородой и без нее, с усами и полностью выбритый. Они напомнили Рою Грейсу фотороботы, которые составляют в полиции.

– Проклятье, – пробормотал Ребус, пройдя по комнате. – Это Джеймс Кинг. – Он повернулся к Олли: – Откуда взялись эти...

– Из моей памяти, – решительно ответил Старр.

– Но вы его больше не видели?

– С тех самых пор, как он вонзил в меня свой нож.

– Сходство просто поражает!

– Из чего следует, что вы взяли ублюдка. – На мгновение лицо Олли слегка расслабилось. – Я не мог забыть его лицо, – продолжал он. – Когда-то я был студентом художественного колледжа Хорнси. Преподаватели говорили, что я подаю надежды, что я, возможно, мог бы успешно заниматься рекламой. Но вместо этого я рисовал его год за годом, надеясь, что настанет день, и я его увижу.

Сиобан Кларк откашлялась:

– Мы полагаем, что человек, ударивший вас ножом, сейчас находится в больнице. Он смертельно болен.

– Хорошо, – кивнул Олли.

– Ну, ответ на мой первый вопрос мы получили, – проговорил Джон.

Старр прищурился:

– Что еще вы хотите?

– Мы хотим узнать, намерены ли вы предъявить ему обвинения после стольких лет, – сказала Сиобан и ненадолго замолчала. – Жить ему осталось совсем недолго.

– Я хочу его увидеть! – прорычал Олли. – Мне *нужно* его увидеть, оказаться с ним лицом к лицу. И чем ближе, тем лучше. Он должен знать, *что* сделал. Он разрушил мою жизнь, и лишь мечта заставляла меня продолжать существование!

– Какая мечта? – спросил Грейс.

– Мечта о том, как ко мне приходят полицейские с этой новостью. – Старр сморгнул слезу. – У всех есть мечты, не так ли? – Его голос дрогнул. – *Чтобы достичь чего-то стоящего, следует пробовать даже то, что может казаться невозможным.*

Роя тронуло, что этот человек читал Браунинга. Он жил в трущобах, но продолжал цепляться за прекрасное. Как могла бы сложиться его жизнь, если бы не...

Если...

Он перехватил взгляд Джона и Сиобан и понял, что все они думают об одном и том же – в то время как Поттинг пытался незаметно разглядывать ноги Кларк.

– Нам нужно быстро доставить вас в Эдинбург, – сказал Ребус. – Вы можете вылететь в понедельник?

– Лучше поездом, – ответил СтARR. – У меня будет время, чтобы выбрать, что лучше: сначала плюнуть ему в лицо или сразу врезать по морде.

В больницах Рою Грейсу всегда становилось не по себе. Слишком много у него было воспоминаний о посещениях умирающего отца, а позднее – умирающей матери. В понедельник, во второй половине дня, он шел за Ребусом и Кларк по коридору Королевской больницы. Она выглядела совсем новой – никаких запахов вареной капусты и дезинфицирующих средств. Машина поджидала их у железнодорожного вокзала Уэверли. Сиобан позаботилась о том, чтобы гости увидели знаменитый замок, и только после этого они поехали в сторону пригородов. Когда Джон распахнул дверь палаты, Грейс обернулся, чтобы посмотреть на Поттинга и СтARRа. На их лицах он не заметил никаких следов эмоций.

– Всё в порядке? – спросил Рой, и в ответ последовало два коротких кивка.

Однако Ребус внезапно застыл на месте, и Грейс едва не столкнулся с ним. Кровать в углу была пустой, как и стоявшая рядом тумбочка.

– Дерьмо, – пробормотал Джон, оглядывая палату.

В палате было полно пациентов, но не осталось никаких следов единственного человека, который их интересовал.

– Чем я могу вам помочь? – спросила медсестра, и на ее лице появилась профессиональная улыбка.

– Нам нужен Джеймс Кинг, – сказал ей Ребус. – Но, похоже, мы опоздали.

– О господи, да...

– Как давно он умер?

Улыбка медсестры стала лукавой.

– Он не умер, – объяснила она. – У него началась ремиссия. Иногда такие вещи случаются, и если б я была религиозной... – Она пожала плечами. – Спонтанная и необъяснимая ремиссия, но так случилось. Мистер Кинг вернулся домой, к своей семье, и сейчас он счастлив, как вошедший в поговорку Ларри.

Через двадцать минут Ребус стучал в дверь бунгало на Либертон-Брэй. Элла Кинг открыла дверь и холодно посмотрела на неожиданных гостей.

– Мой муж передумал! – выпалила она. – Он говорил под воздействием лекарств. У него были галлюцинации.

– Ну и замечательно, – сказал полицейский, поднимая руки, словно сдаваясь. – Мы можем зайти на минутку?

Женщина колебалась, но Джон решительно протиснулся мимо нее и прошел по коридору в гостиную. Грейс и Кларк последовали за ним. Джеймс Кинг сидел в большом кресле и смотрел по телевизору скачки. Он был одет в брюки и рубашку с короткими рукавами, на коленях у него лежала газета, а на столике стояла чашка чая.

– Вы слышали новость? – прогрохотал он. – Они называют это чудом, раз не удалось найти лучшего объяснения. Элла уже сказала вам про лекарства? Должно быть, я бредил во время разговора с вами.

– Вы уверены, сэр? – переспросил Ребус. – В таком случае вам стоит подойти к входной двери. Там вас ждет друг.

На лице старика появилось недоумение, но гость жестом предложил ему встать. Тот подчинился и медленно побрел к двери.

Снаружи стоял Норман Поттинг, ладони которого лежали на рукояти инвалидной коляски Олли СтARRа.

– Джеймс Кинг, познакомьтесь с Оливером СтARRом, – сказал Ребус.

– Но мы никогда не встречались! – изумился хозяин дома. – Я... я его не знаю. Что все это значит?

– Ты прекрасно меня знаешь! – прорычал Старр, и все его тело напряглось, словно через него пропустили электрический ток. – Твой нож для хлеба все еще находится в хранилище улик в Брайтоне. Твоя мать не спрашивала, куда он делся?

Грейс наблюдал за лицом Кинга. Казалось, тот только что получил пощечину.

– Что происходит? – дрожащим голосом спросила его жена.

– В тот день действительно умер человек, – объяснила Кларк. – Но не тот, кого ударил ножом ваш муж. Когда мистер Кинг прочитал об этом в газетах, то сделал неверный вывод.

– Перед вами человек, который ударил вас ножом, мистер Старр? – спросил Грейс.

– Я бы узнал его где угодно, – сказал Олли, не спуская горящих глаз с Джеймса.

– Ты старый дурак! – закричала Элла мужу. – Я говорила тебе, чтобы ты помалкивал и унес свою тайну в могилу! Зачем ты им рассказал?

– Джеймс Родни Кинг, – ровным голосом заговорил Рой, – у меня ордер на ваш арест. Вы арестованы по подозрению в попытке убийства Оливера Старра. Вы ничего не должны говорить, но ваша защита может пострадать, если вы что-то скроете, а во время суда это станет известно. Все, что вы скажете, может быть рассмотрено как улика. Вам все понятно?

– У меня ремиссия! – воскликнул Кинг. – И впереди еще жизнь...

– Значит, у тебя была хорошая жизнь, – оскалился Старр. – В любом случае лучше моей. Все эти годы я провел в инвалидной коляске! Ни жены, ни детей...

– Вы не можете так с ним поступить! – взмолилась Элла. – Он больной человек. – Она сжала плечо мужа.

Ребус покачал головой:

– Он поправился. Ваш муж сам только что сказал.

– Но он *болен*, – вмешался Поттинг. – Только больной разум ударит другого человека так, чтобы повредить спинной мозг.

– Это произошло так давно! – не унималась миссис Кинг. – Теперь все изменилось.

– Ничего подобного, – возразил Джон, глядя в сторону Кларк и Грейса. – К тому же я бы сказал, что мы появились здесь очень вовремя.

Рой кивнул.

Разные города, разные культуры, даже разные поколения разделяли этих двоих. Но Грейс знал, что среди прочего их с Ребусом объединяет удовольствие от достигнутого результата.

РОБЕРТ ЛОУРЕНС СТАЙН против ДУГЛАСА ПРЕСТОНА и ЛИНКОЛЬНА ЧАЙЛДА

Дуглас Престон и Линкольн Чайлд создали своего персонажа, агента ФБР А. Х. Л. Пендергаста, почти случайно. Линкольн был редактором «Сент Мартинс пресс», и ему выпало редактировать первое документальное произведение Дуга «Динозавры в Аттике», историю Американского музея естествознания. После этой совместной работы они решили сочинить триллер, действие которого происходит в музее. Престон написал несколько первых глав о расследовании двойного убийства и отправил их Чайлду, чтобы тот оценил начало. Линкольн все прочитал, и у него возникло одно возражение. Он отметил, что двое полицейских, ведущих расследование, получились совершенно одинаковыми, и поэтому предложил объединить их в одну личность (позже этот персонаж стал лейтенантом Винсентом Д'Агоста). Затем Чайлд добавил: «Нам нужен новый детектив в качестве второго следователя. Необычный человек, который будет чувствовать себя в Нью-Йорке как рыба, вытасченная из воды».

Дуг, которого разозлила критика, ответил не без сарказма:

«Да, правильно. Ты предлагаешь сделать его альбиносом и агентом ФБР из Нового Орлеана?»

Несколько секунд оба молчали.

«Думаю, это может работать», – наконец сказал Линкольн.

В течение следующих пятнадцати минут, точно Афина из головы Зевса, на свет появился специальный агент Пендергаст.

Остальное, как говорят, – история.

В разных книгах агент Пендергаст сталкивается с необычными противниками, в том числе с серийным убийцей-каннибалом, с поджигателем, с убийцей-хирургом и убийцей-мутантом, и даже со своим братом – безумным гением. Но он никогда не имел дела с таким противником, как Слэппи Чревоещатель.

Слэппи – это, пожалуй, самое жуткое создание Роберта Л. Стайна. Сам Роберт – автор бестселлеров, общий тираж которых превышает 400 миллионов экземпляров, продающихся по всему миру; он – создатель поразительной серии новелл «Мурашки». В ней Боб и представил Слэппи в таких запоминающихся историях, как «Ночь живой куклы», «Невеста живой куклы» и «Сын Слэппи». Вырезанный из деревянного гроба и оживленный одной фразой, Слэппи оказался саркастичным грубым садистом, наделенным скрипучим голосом и огромной физической силой. Обычно он старается поработить несчастного ребенка, который вернул его к жизни. Он настолько популярен, что стал моделью для чревоещающей куклы, которая продается до сих пор.

Боб рассказал, что придумал Слэппи, когда в 1945 году посмотрел фильм-антологию «В разгар ночи». В одном из его эпизодов речь идет о жуткой кукле, изображающей чревоещателя, которая постепенно берет под контроль разум своего создателя. Стайн видел фильм в ранней юности, и эта картина безумно его напугала. Интересно, что в детстве у Боба была кукла Джерри Махони. Со временем им завладела идея о том, что столь симпатичное создание вполне может стать ужасным порождением зла.

Идея противостояния элегантного горожанина, агента ФБР Пендергаста и злой куклы выглядела настолько нелепой и настолько невозможной, что Дуг, Линкольн и Боб сразу же ею увлеклись. В результате получился психологический триллер, в котором кукла и агент Пендергаст ведут себя не совсем так, как от них ждут читатели.

В одном сомневаться не приходится: эта история не предназначена для детей.

Довести до безумия

Он слышал повторяющийся стук, и больше ничего. Быть может, это часы? Нет: слишком громко и бессистемно. Возможно, потрескивал старый дом? Или батарея отопления?

Мужчина прислушивался к звуку и вскоре обратил внимание на определенные вещи – вернее, на их отсутствие. Отсутствие света. Ощущений. Имени.

Очень необычно, не так ли? Он был мужчиной без имени. И без памяти. *Tabula rasa*¹⁷, пустой сосуд. Однако он чувствовал, что знает многое. И это казалось ему парадоксом.

Стук стал громче. Мужчина пытался понять, что же это такое, и к нему начали возвращаться ощущения. Он ничего не видел – кто-то надел ему на голову мешок. Он не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Они были не связаны, а стянуты ремнем. Он лежал на кровати. Попытался пошевелиться и обнаружил, что его пути мягкие, удобные и эффективные.

Он не испытывал ни голода, ни усталости. Ему не было жарко или холодно. Он не чувствовал страха и сохранял спокойствие.

Ту-тук-тук. Он слушал. Ему в голову пришла мысль: если он сможет понять, что означает этот звук, вернется и все остальное.

Он попытался заговорить и услышал чье-то дыхание.

Постукивание прекратилось, наступила тишина.

Затем возник новый звук, который он узнал: шаги по деревянному полу. Они приближались. Чья-то рука потянула за мешок, и он услышал, как затрещала «липучка». Мешок аккуратно сняли с его головы, и он увидел обращенное к нему лицо. По прикосновению воздуха к голове он понял, что ему сбрили все волосы. Прежде они у него были – это он о себе помнил.

Наконец в поле его зрения появилось лицо. Свет был тусклым, но он сумел разглядеть. Мужчина, лет сорока, в серой фланелевой рубашке, с жестким лицом, высокими скулами и орлиным носом. Выступающие асимметричные надбровные дуги делали его голову похожей на череп. Янтарные волосы и густая, аккуратно подстриженная борода. Но самое сильное впечатление производили глаза: один – роскошного зелено-коричневого цвета, прозрачный и глубокий, с увеличенным зрачком и второй – голубовато-белый, матовый, мертвый, со зрачком, превратившимся в едва заметную черную точку.

Вид этих глаз разбудил память мужчины, и она, подобно Ниагарскому водопаду, хлынула обратно сплошным потоком, полностью парализовав своей тяжестью лежавшего на кровати человека.

– Диоген, – прошептал он.

– Алоиз, – ответил мужчина, тревожно нахмурившись.

Алоиз. Алоиз Пендергаст. Да, так его звали: специальный агент Алоиз Пендергаст.

– Ты мертв, – сказал он. – Это сон.

– Нет, – ответил Диоген почти с нежностью. – Ты пробудился ото сна. Теперь ты на пути к исцелению – наконец-то. – С этими словами он наклонился и расстегнул ремни, стягивавшие запястья брата, затем взбил подушку и разгладил простыни. – Если ты хорошо себя чувствуешь, то можешь сесть.

– Ты сделал все это со мной. Очередной коварный замысел.

– Пожалуйста, перестань. Только не сейчас.

Краем глаза Алоиз заметил движение и повернул голову. Дверь в его комнату распахнулась, и вошла женщина. Он ее сразу узнал: Хелен Эстерхази, его жена.

Его умершая жена.

¹⁷ Чистый лист (лат.).

Он с ужасом смотрел, как она приближается. Хелен потянулась к нему, но Пендергаст отдернул руку.

– Ты галлюцинация, – сказал он.

– Я реальна, – нежно сказала она.

– Это невозможно.

Она села на край кровати.

– Мы живы, оба. Мы здесь для того, чтобы помочь тебе поправиться.

Не в силах произнести ни слова, Алоиз покачал головой. Если это не сон, значит, он находится под воздействием наркотиков. Он не станет с ними сотрудничать, что бы они ни делали. Пендергаст закрыл глаза и попытался вспомнить, как он попал сюда, какие события привели его к... заточению. И понял, что не знает. Что последнее осталось в его памяти? Он пытался найти ответ на этот вопрос. Однако перед его мысленным взором ничего не возникало – только длинная черная дорога, ведущая в прошлое.

– Мы здесь, чтобы помочь, – добавил Диоген.

Пендергаст вновь поднял веки и посмотрел в разноцветные глаза брата:

– Ты? Помочь мне? Ты мой злейший враг. Кроме того, тебя здесь нет. Ты мертв.

Откуда он знает о смерти брата? Если он ничего не помнит, почему уверен, что тот мертв? И все же он в этом не сомневался... или нет?

– Нет, Алоиз, – с улыбкой возразил Диоген. – Все это твои фантазии. И болезнь. Подумай о своей жизни, а точнее, о том, что считал своей жизнью. Кто ты по профессии?

Пендергаст заколебался:

– Я... агент ФБР.

Ответом ему была еще одна мягкая улыбка:

– О'кей. А теперь подумай хорошенько. Нам известно об этой «жизни». Мы провели последние месяцы, беседуя с доктором Огастином, слышали твои рассказы о безумных деяниях и невероятных схватках, о людях, якобы убитых тобою, и о твоих чудесных спасениях. О генетических монстрах, поедающих мозг людей, и инфантильных серийных убийцах, живущих в пещерах. Мы слышали о подземных армиях мутантов и нацистских программах размножения. И о молодой леди, которой сто сорок лет... Это страна фантазий, и ты наконец из нее вернулся. Это мы – настоящие, а твой мир – нет.

Диоген говорил, и каждая из историй, которую он упоминал, возникала в памяти Пендергаста, вспыхивая, точно фейерверк.

– Нет, – решительно возразил он. – Все как раз наоборот. Ты искажаешь факты. Ты не настоящий, а мой мир – существует.

Хелен наклонилась над ним, и ее фиалковые глаза заглянули в глаза мужа.

– Неужели ты думаешь, что ФБР, исключительно консервативная организация, позволит одному из своих агентов безумствовать, убивая людей направо и налево? – Она говорила спокойно, а ее голос звучал серьезно и разумно. – Разве *такое* может быть реальным? Подумай о своих так называемых приключениях. Разве в состоянии один человек пережить столь жуткие испытания и уцелеть?

В разговор снова вступил Диоген, и его вкрадчивый южный акцент действовал точно успокаивающий бальзам:

– Ты просто не мог бы пережить все приключения, о которых рассказывал доктору Огастину. Неужели ты сам не понимаешь? Тебе лгут твои воспоминания, а не мы.

– Тогда почему меня связали? Почему надели на голову мешок? – по-прежнему не верил его брат.

– Когда произошел прорыв, – ответил Диоген, – когда доктор Огастин наконец сумел пробить оболочку твоих фантазий, ты пришел в... возбуждение. И у нас не оставалось выбора – нам пришлось тебя связать, ради твоей же безопасности. А мешок надели из-за

того, что на тебя плохо действовал свет. Ты всегда питал отвращение к свету, даже когда был ребенком.

– А почему мне обрили голову?

– Это было необходимо для лечения, чтобы приставить электроды. Для электрической стимуляции мозга.

– Электроды? Господи, что со мной сделали?!

– Постарайся расслабиться, Алоиз, – успокаивающе сказала Хелен. – Мы знаем, как тебе сейчас трудно. Ты пришел в себя после очень долгого кошмара. Мы здесь, чтобы помочь тебе вернуться к реальности... Постарайся сесть и выпить воды.

Пендергаст сел, и жена поправила подушки у него за спиной. Теперь он более внимательно оглядел комнату. Изящная дубовая отделка стен, витражи на окнах, выходящих на зеленую лужайку, кизилловые деревья... Однако Алоиз заметил на них решетки. Основную часть блестящего паркетного пола покрывал персидский ковер. Единственным указанием на то, что Пендергаст находился в больнице, был странного вида медицинский агрегат, встроенный в стену возле кровати, с циферблатами, огоньками и электродами на длинных разноцветных проводах.

И тут взгляд пациента приковала к себе диковинная картина: атласное кресло с подголовником, в дальнем углу которого кто-то посадил куклу, изображавшую чревоущителя. У нее были каштановые волосы и алые губы, а еще – белый халат врача и стетоскоп на шее. За широко раскрытым ртом игрушки виднелась черная дыра. Безжизненные голубые глаза под изогнутыми бровями, не мигая, смотрели на Пендергаста. Кукла сидела очень прямо, вытянув перед собой ноги, ее лакированные коричневые туфли украшали желтые шнурки.

В этот момент распахнулась дверь, и в комнату вошел крупный жизнерадостный мужчина с венчиком волос, обрамлявших лысину. Он был одет в синий костюм из саржи с красным галстуком-бабочкой и красной гвоздикой в бутоньерке. В руках мужчина держал пюпитр в виде дощечки с зажимом.

Диоген встал и протянул ему руку:

– Приветствую вас, доктор Огастин. Мы так рады, что вы пришли! Он очнулся и, позволю себе заметить, ведет себя намного более разумно.

– Превосходно, – сказал врач, поворачиваясь к Пендергасту: – Полагаю, у нас прорыв.

– Прорыв? – усмехнулся Алоиз. – Совсем нет. Скорее нечто вроде наведенной галлюцинации, заговор с целью лишить меня разума.

– Это говорят остатки ваших заблуждений, – возразил медик. – Но ничего страшного. Могу я... – Он указал на место рядом с куклой, собираясь присесть туда.

– Меня совершенно не интересуют ваше удобство, – заявил Пендергаст. – Делайте что хотите.

Огастин сел, не теряя спокойствия.

– Я рад видеть, что вы узнали Хелен и Диогена. Это большой шаг вперед. Прежде вы их даже не видели, такими сильными были ваши фантазии о том, что они мертвы. А теперь, если вы не против, я бы хотел вам все объяснить, пока ваше просветление не закончилось.

Пациент только махнул рукой.

– У вас очень сложный случай, возможно, самый сложный в моей практике, – принялся объяснять медик. – Я намерен подвести итог нашей работы за несколько месяцев. Когда двадцать лет назад вы служили в частях особого назначения, вам пришлось пережить тяжелейшую психотравму. Мы самым тщательным образом с ней разобрались, и сейчас нет необходимости возвращаться к тем событиям. Достаточно сказать, что тот опыт был настолько жутким, что представлял серьезную угрозу вашему разуму – более того, самому вашему существованию. Вы покинули части особого назначения, но перенесенный шок вызвал крайнюю форму посттравматического стресса, скрытого в глубинах вашего сознания и не под-

дававшегося лечению – как раковая опухоль. Он воздействовал на вас все эти годы. Будучи человеком состоятельным, вы могли позволить себе не работать, но вынужденное безделье причиняло вам мучительные страдания. У вас начались галлюцинации. В борьбе с пост-травматическим синдромом вы в своих иллюзиях превратились во всемогущего агента ФБР, который сражается с несправедливостью, убивает без всякой пощады и избавляет мир от зла. Ваши фантазии полностью заслонили от вас реальный мир.

Пендергаст смотрел на врача. И, хотя ему очень не хотелось верить этому человеку, он видел в его словах пугающую логику. В качестве доказательства в комнате находились Диоген и Хелен, два человека, которых Алоиз считал умершими. Они двигались, дышали и разговаривали. Он не мог не верить собственным глазам. И все же... воспоминания о работе в ФБР, водопадом обрушившиеся на него, когда он слушал брата, были не менее сильными.

– Вы находились в месте, где царил мрак, – сказал доктор, постукивая ручкой по дощечке. – Но теперь у вас намечился настоящий прогресс, являющийся прямым следствием лечения. На прошлой неделе ваше состояние выглядело настолько многообещающим, что я пригласил двух людей, которые больше всех о вас тревожились – вашего брата и бывшую жену, – чтобы они находились рядом. Самый трудный момент всегда возникает после того, как человек выходит из туннеля.

– Где я? – спросил больной.

– В санатории Стоуни-Маунтин, неподалеку от Саранак-Лейк, в северной части штата Нью-Йорк.

– И как я сюда попал?

– Ваша экономка обнаружила, что вы забаррикадировались в своей квартире в Дакоте и бредите о нацистах. Она вызвала полицию, те оповестили вашего брата, и он вместе с вашей бывшей женой организовал вашу транспортировку сюда. Это произошло почти шесть месяцев назад. Сначала движение вперед было медленным и трудным, но в последнее время намечилось значительное улучшение вашего состояния. Ну а теперь, после того как я все объяснил, скажите – как вы себя чувствуете?

Пендергаст повернулся к Диогену, и его вновь поразило выражение братской тревоги, застывшее на этом лице.

– А вот, Алоиз, самая болезненная часть твоих заблуждений, – сказал Диоген. – Я всегда тебя любил. Разумеется, в детстве у нас нередко возникали разногласия – у каких братьев обходится без этого? И видеть, как наши детские размолвки переросли во взрослую паранойю, было для меня настоящей мукой. Но я люблю тебя, брат, и давно понял, что это болезнь, а не твой сознательный выбор.

Пендергаст повернулся к Хелен:

– А ты?..

Она опустила глаза:

– Сначала у тебя возникла фантазия, что меня убил лев в Африке. Затем твои иллюзии стали еще более странными – ты решил, что меня убил не лев, а нацисты в Мексике. Я... не могла это выносить и поэтому развелась с тобой. Мне очень жаль. Может быть, я оказалась слишком слабой. Но я никогда не переставала тебя любить.

Наступило молчание. Алоиз окинул взглядом комнату. Она казалась такой настоящей, такой четкой... и успокаивающей. Он вдруг почувствовал облегчение, словно закончился длительный кошмар. А если они говорят правду? Если так, то ужас смерти Хелен – лишь плод его воображения. И как же чудесно будет освободиться от жутких воспоминаний, давящего чувства вины, боли и сожалений, забыть об отвратительных вещах, которым он стал свидетелем как агент ФБР! И ему не придется больше жить с болью от безумия Диогена и его неумолимой ненависти...

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор Огастин.

На Пендергаста снизошло умиротворение. Теперь он мог забыть все. Как если бы оковы его старых фальшивых воспоминаний и прежних вымышленных действий исчезли и у него появился шанс начать новую жизнь.

– Думаю, сейчас я хотел бы поспать, – сказал он.

Алоиз проснулся в темноте. Была ночь. Он встал и увидел Хелен, дремавшую на стуле возле его постели. Она проснулась, открыла глаза, улыбнулась и посмотрела на часы. Лунный свет озарял кружевные занавески на окне, отбрасывал бесплотное сияние на дубовую обшивку стен. Стул с куклой опустел.

– Сколько сейчас времени? – спросил пациент.

– Час ночи, – отозвалась женщина.

Он чувствовал себя на удивление свежим и отдохнувшим.

– Хочешь, я включу свет? – спросила Хелен.

– Нет, пожалуйста. Я люблю лунный свет. Ты помнишь полнолуние?

– О да, – сказала она. – Конечно. Луна.

Пендергаст был потрясен. На него накатила волна благодарности за то, что супруга жива, что она не умерла – и что он не виновен в ее смерти.

– Если я не был агентом ФБР, то чем я занимался?

– Ну, мы встретились после того, как ты ушел из частей особого назначения. Ты никогда не рассказывал о своей службе, а я не задавала вопросов. Ты жил в своем родовом поместье, как ничем не обремененный интеллигент, и мы провели там несколько идиллических лет. Кроме того, мы путешествовали по всему миру. Тибет, Непал, Бразилия, Африка...

– Африка?

– Мы охотились на крупных животных. Однако меня не убивал лев. – Женщина сухо улыбнулась. – Позволь мне закончить, Алоиз. Я должна облегчить душу. Я не горжусь собой за то, что оставила тебя, но я начала опасаться за собственную жизнь. Находиться рядом с тобой стало опасно. И все это время Диоген вел себя как святой. Он узнал о существовании экспериментального лечения здесь, в Стоуни-Маунтин. Это... была наша последняя надежда.

Пендергаст задумчиво кивнул:

– Что будет со мной теперь?

– Мне сказали, что окончательное выздоровление займет время. Ты останешься здесь до тех пор, пока врачи не сочтут, что процесс завершен. Возможно, еще шесть месяцев.

– Ты хочешь сказать, что я не могу отсюда уйти?

Хелен заколебалась.

– Ты должен понимать, что все сделано по закону. Но это ради твоего же блага. Ведь твои заблуждения набирали силу несколько лет. Ты не можешь поправиться за одну ночь. Со временем ты сможешь вернуться в Пенумбру, к своей прежней жизни. – Она взяла его руки в свои. – Кто знает, что случится после этого? Может быть, для нас еще есть надежда...

Она сжала его ладони, и он ответил на ее пожатие.

Хелен улыбнулась и встала:

– Я приду навестить тебя завтра, около полудня.

Пендергаст посмотрел ей вслед. Прошло некоторое время, и он погрузился в глубокие раздумья. В комнате царила полная тишина, полоска лунного света медленно перемещалась по полу...

Наконец, часа через два, он встал с постели. В дальнем конце комнаты стоял тяжелый металлический шкаф: очевидно, его поставили здесь, когда превратили комнату в больничную палату. На дверцах висел замок. Алоиз огляделся по сторонам. На углу стола лежали какие-то бумаги. Он просмотрел их, но оказалось, что это рекламные проспекты и больнич-

ные меню. Пендергаст снял две скрепки с документов, подошел к шкафу – все это он проделал автоматически, – разогнул обе скрепки, вставил сначала одну, а потом вторую в висячий замок и одним уверенным движением открыл его.

И замер на месте. Где он научился вскрывать замки? Может, в частях особого назначения? Его воспоминания о тех временах оставались невнятными и неприятными.

Алоиз заглянул в шкаф и обнаружил там черный костюм, белую рубашку, галстук, туфли и носки. Он прикоснулся к ткани костюма, мягкой и элегантной, а кроме того, знакомой, точно собственная кожа. Внезапно Пендергаст почувствовал покалывание у основания шеи. Он проверил пиджак и брюки: сначала его рука потянулась к карману – где, как ему казалось, хранился бумажник и документы ФБР. Ничего. Остальные карманы со специальными вставками оставались на месте. И все они были пустыми. Никаких удостоверений личности, ничего.

Он снял больничный халат и надел рубашку, поглаживая мягкий тонкий хлопок. Затем надел брюки, галстук «Зенья»¹⁸, пиджак и носки. Когда Алоиз взялся за туфли «Джон Лобб»¹⁹, ему в голову пришла новая мысль: он перевернул левую туфлю и снял каблук. Там, в специальном углублении, лежали бритва и набор отмычек, две ампулы с какими-то химикатами и аккуратно сложенная банкнота в сто долларов.

Пендергаст не мог оторвать от них взгляд. Неужели эти вещи – из того периода его жизни, когда он был жертвой заблуждений и считал, что служит в ФБР?

Он поставил каблук на место и надел туфли, а потом подошел к окну и распахнул его. Сквозь вертикальные прутья решетки в комнату ворвался ветер, пропитанный запахом болиголова. Алоиз вновь попытался поймать последние воспоминания. Они сказали, что он провел здесь шесть месяцев. Значит, тогда была зима? Он отчаянно старался вспомнить, представить усыпанную снегом землю, но не смог.

Согнув руки, Пендергаст потянулся и ухватился за два соседних металлических прута. Кованое железо не слишком высокого качества, сильно проржавевшее... Он принялся растягивать прутья в разные стороны, прикладывая всю свою силу. Очень скоро в решетке образовался просвет, сквозь который он мог проскользнуть наружу. Тяжело дыша, Алоиз отпустил прутья решетки. Нет, время уходить еще не пришло. Сначала он должен получить ответы на свои вопросы.

Пендергаст закрыл окно и задвинул шторы. Легко ступая, приблизился к двери и попробовал повернуть ручку. Естественно, дверь оказалась запертой. Ему потребовалось десять секунд, чтобы открыть ее при помощи скрепок, и он вновь восхитился этим своим инстинктивным умением.

Затем Алоиз осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу. Коридор был освещен, и в его дальнем конце он увидел стол медсестры, около которого стояли два санитары. Оба выглядели внимательными и деловитыми. Пендергаст подождал, когда они отвернутся в другую сторону, выскользнул из палаты и прижался к темному соседнему дверному проему. Комната, где живет еще один пациент? Ловко орудуя скрепками, Алоиз открыл замок и вошел в палату, похожую на его собственную, только гораздо меньше. На кровати лежал худой изможденный мужчина, тоже с гладко выбритой головой, на голой руке которого Пендергаст заметил характерные следы иглы – героиновый наркоман. А еще он обратил внимание на странный медицинский прибор, такой же, как у него в палате.

¹⁸ Итальянский модный лейбл мужской одежды, обуви и парфюмерии.

¹⁹ Английский бренд, специализирующийся на производстве эксклюзивной мужской и женской обуви, а также сопутствующих товаров.

С величайшей осторожностью Алоиз вышел из маленькой темной комнатки и двинулся по длинному коридору. Во всех палатах, в которые он заглядывал, мужчина видел одно и то же: спящий пациент с бритой головой, часто худой и изможденный.

Он решил, что так не узнает ничего нового, и остановился, чтобы обдумать свои возможности. Существовало два варианта: либо верна его картина мира – либо та, о которой говорили его жена и брат. К сожалению, в обоих случаях получалось, что он безумен. Ему требовалась дополнительная информация, чтобы выбрать, какое из безумий является реальностью.

Выйдя из последней палаты, он засунул руки в карманы и, не совсем понимая, что делает, однако странным образом уверенный в правильности собственных действий, зашагал по коридору к посту медсестры. Два санитары – крупные, крепкие и похожие друг на друга блондины, ростом примерно шесть футов и четыре дюйма, – наблюдали за его приближением, сначала с недоумением, а потом с тревогой. Пендергаст заметил, что оба они были вооружены.

– Эй... эй! – крикнул один из них, явно сбитый с толку появлением пациента. – Кто, черт возьми, вы такой?!

Алоиз подошел к ним:

– Пендергаст, к вашим услугам. Пациент из палаты номер 113.

Отработанным движением санитары сдвинулись с места и встали по обе стороны от своего подопечного.

– Ладно, – спокойно сказал один из них, – сейчас мы отведем тебя обратно в палату, без шума и проблем. Ты понял?

Пендергаст даже не шевельнулся.

– Боюсь, что это неприемлемо.

Оба больничных работника немного приблизились к нему.

– Здесь никому не нужны неприятности, – заговорил второй санитар.

– Вы ошибаетесь. Я хочу неприятностей. На самом деле я о них мечтаю, – сообщил им пациент.

Первый санитар протянул руку и мягко положил ее Пендергасту на плечо:

– Кончай вести себя так, будто ты крутой парень; давай лучше отправимся в постельку.

– Я не люблю, когда ко мне прикасаются, – отозвался Алоиз.

К нему тут же приблизился второй санитар, а рука первого крепче сжала его плечо:

– Пойдемте с нами, мистер Пендергаст.

Последовало быстрое движение: кулак ударил в солнечное сплетение, воздух с тихим шумом покинул легкие – и санитар, согнувшись пополам, рухнул на пол, прижимая руки к диафрагме. Его напарник попытался схватить Алоиза, но через мгновение тоже оказался на полу.

Медсестра потянулась к тревожной кнопке и нажала на нее. Завыла сирена, загорелся красный свет, и Пендергаст услышал, как защелкиваются автоматические засовы на дверях. Почти мгновенно откуда-то появились с полдюжины огромных санитаров. Алоиз спокойно, скрестив руки на груди, стоял возле медсестры. Санитары окружили его и достали оружие. Двое их коллег все еще лежали на полу и ловили ртом воздух, не в силах произнести ни слова.

– Джентльмены, я готов вернуться в свою палату, – сказал Пендергаст. – Но, пожалуйста, не прикасайтесь ко мне. У меня такая фобия.

– Тогда не стой, – сказал один из санитаров, очевидно, их командир. – Двигайся.

Алоиз зашагал по коридору вместе с сотрудниками больницы. Часть санитаров возглавляли шествие, а другие прикрывали тыл. Они вошли в его палату, и один из них включил свет. Командир санитаров указал на халат, валявшийся возле металлического шкафа.

– Снимай одежду и надевай это, – велел он.

Между тем другой санитар уже говорил с кем-то по рации, и Пендергаст услышал, как он заверяет своего собеседника, что всё под контролем. Сирена смолкла, и снова наступила тишина.

– Я сказал, раздевайся, – снова услышал Алоиз приказ главного санитаря.

Он повернулся к нему спиной и посмотрел на шкаф, однако раздеваться не стал. Прошло несколько мгновений, после чего старший санитар шагнул вперед, взял Алоиза за плечо и развернул лицом к себе:

– Я сказал...

Он смолк, когда дуло «смит-энд-вессона» калибра.38 – Пендергаст забрал его у одного из поверженных санитаров – прижалось к его голове.

– Все рации на пол, – спокойно и твердо сказал пациент. – Потом оружие. И ключи.

Напуганные пистолетом в его руках, сотрудники больницы быстро выполнили приказ, и вскоре все рации и оружие лежали на персидском ковре. Алоиз, продолжавший держать на прицеле старшего санитаря, взял одну из раций и вынул батарейки из остальных. Затем вытащил обоймы и патроны из пистолетов и засунул их вместе с батарейками от раций в карманы своего пиджака. Отыскав на связке универсальный ключ, он вставил его в замочную скважину и повернул, после чего нашел на единственной работающей рации кнопку аварийного сигнала и нажал на нее. Снова заверещала сирена.

– Побег! – закричал он в рацию. – Комната 113! У него пистолет! Он выскочил в окно... бежит в сторону леса!

Затем Пендергаст выключил рацию, вытащил из нее батарейки и бросил на пол.

– Доброго вам вечера, господа. – Он с серьезным видом кивнул своим противникам, распахнул окно и выскочил в ночь.

Когда беглец прижался к стене особняка, лужайку и все вокруг залил свет прожекторов и раздались крики, перекрывшие рев сирены. Двигаясь вдоль стены и прячась за кустарником, он обошел особняк, превращенный в лечебницу для душевнобольных. Как и рассчитывал Алоиз, офицеры безопасности и санитары бежали через лужайку, освещая себе путь фонариками: они действовали исходя из предположения, что он направился к лесу.

Однако Пендергаст остался возле стены – теперь он был почти невидимой тенью, которая двигалась очень медленно и осторожно. Через несколько минут он оказался у входа. Здесь остановился, чтобы разведать обстановку. Подъездная дорожка шла по дуге через лужайку к крытым въездным воротам, и с двух сторон ее изящно обрамляли кусты туи. Пендергаст стремительно пересек дорожку и спрятался в густом кустарнике возле ворот.

Прошло еще минут пять, прежде чем на дорожке появилась и остановилась перед воротами последняя модель «Лексуса».

Превосходно. Лучше не придумаешь.

Дверца едва успела распахнуться, а Алоиз уже бросился вперед и врезался в водителя – как он и предполагал, это был доктор Огастин, – заставив его остаться на месте. Держа медика под прицелом, он быстро обошел машину, сел на пассажирское сиденье и сказал, закрывая дверцу:

– Поезжай дальше.

Машина поехала по подъездной дорожке в сторону сторожевой будки и главных ворот. Пендергаст соскользнул с сиденья и спрятался под приборной доской.

– Скажи, что ты кое-что забыл и скоро вернешься. Если проявишь инициативу, я тебя застрелю, – приказал он.

Доктор повиновался. Ворота распахнулись. Когда машина прибавила скорость, Пендергаст вернулся на пассажирское сиденье.

– Сворачивай направо.

«Лексус» повернул и покатил по пустынной грунтовой дороге. Алоиз включил навигатор и быстро изучил его показания:

– Ага, тут и в помине нет Саранак-Лейк, но мы совсем рядом с канадской границей.

Он посмотрел на Огастина и вытащил сотовый телефон из его кармана. Не спуская взгляда с навигатора, дал доктору несколько указаний по направлению движения. Через полчаса они оказались возле одинокого пруда.

– Останови машину, – сказал Пендергаст.

Врач повиновался. Его губы были поджаты, а лицо заметно побледнело.

– Доктор Огастин, ты понимаешь, что тебе грозит за похищение агента ФБР? – начал Алоиз. – Я могу попросту пристрелить тебя – и получить за это медаль. Впрочем, возможно, ты сказал правду, и я безумен. Тогда меня засадят в соответствующее заведение. Но в любом случае, мой дорогой доктор, ты будешь мертв.

Никакого ответа.

– И я действительно тебя убью. Я хочу тебя убить, – продолжал Пендергаст. – Единственное, что может меня остановить, это твоё полное признание – ты должен рассказать мне все детали вашей аферы.

– А с чего вы взяли, что это афера? – раздался дрожащий голос медика. – Это говорят ваши заблуждения.

– Дело в том, что я умею вскрывать замки. И забрал пистолет у санитаря с такой же легкостью, как отнял бы конфету у ребенка.

– Конечно, у вас это получилось легко. Вы прошли подготовку в частях особого назначения.

– Я слишком силен, чтобы меня могли держать в течение шести месяцев в такой больнице. Я согнул решетку на окне.

– Видит Бог, вы проводили половину времени, занимаясь в нашем спортивном зале! Неужели вы не помните?

Затем у озера на некоторое время воцарилось молчание.

– Отличная работа, – наконец снова заговорил Пендергаст. – Ты почти меня убедил. Но мною вновь овладели подозрения, когда Хелен не отреагировала на мое замечание о луне – мы с ней любили наблюдать за полнолунием, но это была наша с ней тайна. И я насторожился. А потом окончательно понял, что это обман, когда Хелен взяла мои руки в свои.

– Господи, и что с того?!

– Потому что у нее были здоровы обе руки, а я помню, как она потеряла левую, когда во время охоты в Африке на нее напал лев. Найденная мной ее левая рука с обручальным кольцом... нет, такое сильное воспоминание – не иллюзия, оно могло быть только настоящим!

Доктор молчал. Луна отражалась в маленьком озере. С противоположного берега донесся голос гагары.

Пендергаст взвел курок «смит-энд-вессона»:

– Я пережил слишком много обманов. Расскажи мне правду. Еще одна ложь – и ты покойник.

– Но как вы узнаете, что я лгу? – тихо спросил медик.

– Когда я тебе не поверю.

– Понятно. А что я получу, если начну сотрудничать с вами?

– Жизнь.

Врач тяжело и хрипло вздохнул:

– Хорошо, начнем с моего имени. Меня зовут не Огастин. Я Грандман. Доктор Уильям Грандман.

– Продолжай.

– Последние десять лет я проводил эксперименты с нейронами памяти, и мне удалось открыть ген Nras4.

– И в чем смысл этого открытия?

– Ген контролирует нейроны памяти. Дело в том, что память – это нечто материальное. Она хранится при помощи комбинации биохимии нервных процессов и электрических потенциалов. Контролируя Nras4, я научился отыскивать нейронные сети, сохраняющие определенные воспоминания. Более того, я умею ими манипулировать. Нет, не уничтожать их – это привело бы к повреждению мозга. Но стирать. А это куда более тонкая процедура.

Он немного помолчал, а потом снова подал голос:

– Вы мне верите?

– Ты ведь еще жив, не так ли?

– Я обнаружил, что такая техника может приносить солидный доход. И основал клинику – под прикрытием санатория. Он вполне легален, но кое-что из того, чем мы занимаемся, закрыто от посторонних глаз.

– Продолжай.

– Люди приходят ко мне, чтобы избавиться от неприятных воспоминаний. Не сомневаюсь, что вам не составит труда представить себе ситуации, когда у человека может возникнуть такое желание. Некоторое время все шло хорошо. Потом мне удалось совершить еще более удивительное открытие. Я предположил, что мне по силам не просто стирать воспоминания, а создавать их, программировать новые. Вы только представьте, что это значит: за подходящую цену вы получите воспоминания о том, что провели выходные в Антибе вместе с восходящей звездой Голливуда, которую сами выберете, или покорили Эверест в компании с Мэллори²⁰, или дирижировали Нью-Йоркским филармоническим оркестром, исполняющим Девятую симфонию Малера...

Глаза доктора сияли внутренним светом. Но потом его взгляд упал на дуло пистолета, и в них вновь появилась тревога:

– Вы не могли бы убрать оружие?

Пендергаст покачал головой.

– Просто продолжай говорить.

– Хорошо. Хорошо. Мне требовались «подопытные кролики», чтобы довести процедуру внедрения новых воспоминаний до совершенства. Вы можете себе представить, что произойдет, если в сознание человека будут внесены неправильные воспоминания? Поэтому я организовал доставку в мою клинику из больниц Нью-Йорка неимущих, наркоманов и бездомных.

– Тех изможденных пациентов, которых я видел в соседних палатах.

– Да.

– Люди, которых никто не будет искать, если они исчезнут.

– Совершенно верно.

– А как туда попал я?

– С вами пришлось повозиться. Складывалось впечатление, что у вас возникли подозрения насчет моего санатория, когда вы проводили очередное расследование. Вы сумели попасть в больницу «Беллвью», представившись больным туберкулезом, к тому же бездомным, и вас вскоре привезли сюда. Однако произошла ошибка и вашу одежду доставили вместе с вами. Таковую не носят бездомные бродяги. Я навел справки и выяснил, кто вы такой. Я не мог просто вас убить – как вы совершенно правильно заметили, убийство федерального агента нельзя считать хорошим решением проблемы. И тогда я решил, что лучше перепрограммировать ваши воспоминания. «Свести с ума»: стереть из памяти истинные причины

²⁰ Джордж Герберт Ли Мэллори (1886–1924), английский альпинист, предпринявший попытку восхождения на Эверест.

вашего появления здесь и добавить новые, которые убедят ваше начальство и близких, что вы повредились умом. Ну а после этого вы перестали бы представлять для меня опасность – кто станет слушать безумца? Что бы вы ни говорили, ваши слова воспримут как бред сумасшедшего.

– Значит, Диоген и Хелен нереальны.

– Верно. Это фантомы, реконструированные из ваших воспоминаний при помощи Npas4. – Грандман вновь ненадолго замолчал. – Но складывается впечатление, что мои изыскания, касающиеся Хелен, оказались недостаточно глубокими.

– А кукла? – спросил Пендергаст.

– Да, кукла. Я называю ее доктор Огастин. Она является важнейшей частью лечения. Ее также не существует в реальности. Куклы нет. Это путеводная нить, сосуд – троянский конь, если хотите, – я помещаю его в сознание пациента. Если б я сумел внедрить доктора Огастина в вашу память, то смог бы использовать его в качестве рычага, который позволил бы мне изменить ваши воспоминания.

Наступило долгое молчание, которое нарушали только крики гагар. Полная луна масляным светом заливала воду. Алоиз молчал.

Доктор нервно заерзал на своем сиденье:

– Насколько я понимаю, вы поверили мне, раз я все еще жив?

Пендергаст не сразу ответил на его вопрос.

– Выходи из машины, – сказал он наконец.

– Вы намерены оставить меня здесь?

– Чудесный летний вечер для прогулки. До главной дороги около десяти миль. Местная полиция подберет тебя еще до того, как ты пройдешь все расстояние. – Алоиз со значением помахал сотовым телефоном. – Конечно, ты пропустишь рейд полицейского спецназа... Тут тебе повезет.

Уильям распахнул дверцу и вышел в ночь. Пендергаст передвинулся на водительское сиденье, развернул машину и медленно поехал обратно по грязной проселочной дороге. В зеркало он видел стоявшего на берегу озера врача, силуэт которого четко выделялся на освещенной луной воде.

Пендергаст начал набирать по сотовому телефону Грандмана номер нью-йоркского офиса ФБР – первый шаг перед рейдом и закрытием санатория. Но он так и не нажал на кнопку вызова, а через мгновение медленно положил телефон на колени.

Мужчина знал, кто он такой – знал наверняка, без малейших намеков на сомнения. Он являлся специальным агентом Алоизом Пендергастом из ФБР. А то, что произошло с ним в клинике, – кошмар и иллюзия. Теперь все закончилось. Лечение доктора Грандмана оказалось дьявольски эффективным, но в конце дало сбой, и это неудивительно. Его разум, его воспоминания были слишком сильными, чтобы их можно было стереть просто так – никто не мог манипулировать его сознанием слишком долго. Теперь он знал, совершенно точно, кто он на самом деле, знал свою истинную историю. Он мог оставить этот бред здесь и вернуться к своей жизни. К своей настоящей жизни.

И все же...

Пендергаст посмотрел на лежащий на коленях телефон. Одновременно его взгляд наткнулся на что-то в зеркале заднего вида – раньше он там ничего не замечал.

На заднем сиденье машины, глядя на него голубыми немигающими глазами, с красными губами, в белом лабораторном халате и блестящих коричневых туфлях, сидел доктор Огастин.

М. ДЖ. РОУЗ против ЛИЗЫ ГАРДНЕР

Старый мир против молодого боевика. Прагматик против оккультизма. Факты против совершенно невозможного. С этого начали М. Дж. Роуз и Лиза Гарднер. Каким же будет конец?

Невероятно хитроумная история.

М. Дж. Роуз верит в то, что она создала Малахая Самюэльса, не больше, чем сам он верит в то, что породил ее. Однако не вызывает сомнений, что этот персонаж изменил ее писательскую карьеру, когда впервые появился в «Фениксе в огне» в 2006 году. Самюэльс подтолкнул М. Дж. к первому опыту в области метафизической и исторической литературы, и с тех пор она ни разу не свернула с этого пути. Уникальность Малахая не вызывает сомнений. Он является загадочным юнгианским психотерапевтом, мастером исследований событий прошлого, повлиявших на настоящее, – дорога, на которую сам он так и не смог ступить.

Частично это служит объяснением его увлечения данной областью человеческой жизни.

Другая причина в том, что его предки, как и у М. Дж., начиная с девятнадцатого века подвергали сомнениям мистическую границу между прошлым и настоящим. Писательнице стало интересно, что получится, если свести Малахая Самюэльса с представителем закона, общения с которыми ему удавалось ловко избегать на протяжении многих лет. Особенно если речь пойдет об одном из самых любимых ею копов.

О детективе Ди Ди Уоррен.

И вот вам интересный факт: Ди Ди Уоррен Лизы Гарднер существует в реальной жизни. Она назвала свою героиню, крутого бостонского детектива, именем соседки, красивой блондинки, прославившейся кулинарным мастерством и умениями садовода. Вначале Лиза планировала, что Ди Ди появится только в одной главе романа о снайпере под названием «Убить чужой рукой». Но дерзкие бостонские манеры и несгибаемая решительность этого персонажа быстро завоевали любовь читателей. И, не успев понять, что происходит, Лиза обнаружила, что она написала полдюжины романов, где главную роль играла тезка ее соседки.

Решение прибегнуть к помощи Ди Ди в этой истории было совсем простым. Кто лучше сможет сразиться с обаятельным и загадочным доктором Малахаем Самюэльсом – человеком, которого подозревали в нескольких убийствах, но не сумели доказать его причастность ни к одному из них, – как не молодая умная девушка, работающая в убойном отделе?

Добавьте сюда специфику бостонского Чайнатауна и легенду о редком артефакте и вы получите идеальный рецепт триллера.

Или что-то совсем другое.

Нечто совершенно неожиданное.

Смеющийся будда

Нью-Йорк, 1884 год

На город спустились сумерки, окутав его серой дымкой. Дэвенпорт ненавидел это время дня, час, заблудившийся между светом и тьмой, когда все вокруг становилось неясным и расплывчатым. Стоя в тени, он наблюдал за особняком на противоположной стороне улицы. Разросшиеся липы частично скрывали дом, выстроенный в стиле королевы Анны, но Дэвенпорт видел свет, мешавшийся с солнечными лучами, которые отражались от окна под покатою крышей. Из открытой балконной двери доносилась печальная мелодия «Лунной сонаты» Бетховена – великолепный аккомпанемент унылому полумраку.

Даже при таком скудном освещении изысканный особняк с фронтонами, коваными железными перилами и горгульями, прячущимися под скатами крыши, производил сильное впечатление, являя собой символ богатства.

Но не его богатства.

Он бессознательно сжал челюсти, почувствовал это и заставил себя расслабиться.

Передняя дверь с барельефом, изображавшим герб – гигантская птица, поднимающаяся из костра, – открылась, и на пороге появилась изысканно одетая женщина. Она, в отличие от него, не имела ни малейшего представления о том, что ее ждало по возвращении домой вечером, и Дэвенпорт подумал, что, если произойдет худшее, она примет его сочувствие, будет на него полагаться и никогда в жизни не узнает, что именно он стал причиной ее горя.

– Перси? Эсме? Поторопитесь, мы не можем опоздать на день рождения вашего кузена! – крикнула дама.

Дети – десятилетний мальчик и его восьмилетняя сестра – промчались мимо нее по ступенькам, опередив мать по дороге к ждавшему их экипажу.

Как только детский смех и топот ног по выложенной булыжником улице стихли, Дэвенпорт осторожно перебрался на другую сторону и бесшумно вошел в дом. Стараясь ступать как можно тише по черно-белым квадратам мрамора в прихожей, он направился по коридору к открытой двери, ведущей в библиотеку, где, сидя за письменным столом, работал его брат Тревор Тэлмедж. Он склонился над бумагами, время от времени делая какие-то пометки и не замечая незваного гостя.

– Я смотрю, ты трудишься в поте лица, – произнес тот негромко.

Тревор вздрогнул, поднял голову и снисходительно улыбнулся:

– Ты когда пришел? И почему Питер о тебе не доложил?

– Я вошел сам.

– Я не знал, что у тебя остался ключ, – проговорил хозяин дома, скорее уставшим, чем удивленным голосом.

– Хочешь, верну?

Тревор мгновение колебался, а неожиданный гость размышлял, хватит ли этому ублюдку решимости сказать «да»?

– Нет, конечно, нет. Хочешь стаканчик портвейна? Мне только что доставили новую партию с Мадейры. – Хозяин показал на хрустальный графин и стаканы, стоявшие на буфете.

– Эту сладкую гадость? Нет, лучше бренди.

Тревор встал, чтобы налить гостю бренди и снова наполнить свой стакан, а Дэвенпорт взглянул на бумаги, разложенные на столе:

– Итак, наконец-то я вижу знаменитый текст. Ты достал его из подвала на один вечерок. Как продвигается перевод?

– На удивление хорошо. – В голосе его собеседника появилось такое невероятное возбуждение, что, казалось, эту эмоцию можно было потрогать руками. – Судя по тому, что утверждает писарь, создавший этот документ, потерянные Инструменты памяти – вовсе не легенда. Они действительно существовали. Он их видел и приводит подробное описание каждого амулета и драгоценных камней, которые их украшали. Он утверждает, что их тайно вывезли из Индии в Египет задолго до тысяча пятисотого года до Рождества Христова, а отсюда следует, как ты и сам наверняка понимаешь, что предположения нынешних историков насчет того, когда были открыты торговые пути, ошибочны. Когда я опубликую свою работу, она вызовет бурные споры.

– Ты по-прежнему намерен ее опубликовать?

Тревор протянул брату стакан, наполненный янтарной жидкостью, которая сияла, точно золото, в свете настольной лампы.

– Разумеется. И прошу тебя, не пытайся меня отговаривать. Наш отец создал Фонд Тэлмеджа, потому что считал эту историю очень важной. Тот, кто контролирует прошлое, управляет будущим. И я совершенно согласен...

– Именно по этой причине твою работу нельзя предавать гласности. Неужели ты не понимаешь, что лишишься контроля? – перебил его Дэвенпорт, в голосе которого появились умоляющие нотки. Он надеялся, что брат не заставит его прибегать к крайним мерам.

– Если такие инструменты действительно существуют и если они помогут людям узнать о своей прошлой жизни, мы – ты, и я, и все члены клуба «Феникс» – должны будем позаботиться, чтобы эта могущественная сила служила во благо всего человечества, а не стала собственностью отдельных людей, – возразил Тревор.

– Документ найден во время раскопок человеком, которому платил наш отец. Я не позволю тебе это сделать.

– Ты не позволишь мне? Ты не сможешь мне помешать! – презрительно рассмеялся хозяин дома. – Неужели ты не понимаешь, насколько важен документ, о котором идет речь? Важен в духовном смысле. Мы же говорим не про клад из золотых и серебряных монет! Возможно, это доказательство того, что мы возвращаемся в наш мир в новой инкарнации. Мы не можем единолично владеть *такой* информацией, она должна принадлежать всем. Как иначе можно найти истинные Инструменты памяти? Все, дискуссия закончена.

– Ты не имеешь права один принимать решение опубликовать перевод, – сказал Дэвенпорт.

– Я могу повторить эти же слова, обращаясь к тебе, – заявил его брат.

– Будь ты проклят!

Гость с такой силой поставил стакан на стол, что он разлетелся на мелкие осколки, и жидкость разлилась, чудом не уничтожив документы.

Разозлившись на брата, а точнее, на себя за то, что тому удалось его разозлить, Тревор быстро собрал древние бумаги и положил их на книги, занимавшие полку у него за спиной, чтобы с ними ничего не случилось. Теперь надо было спасти собственные записи, и он принялся собирать их, стопку за стопкой, а потом убрал на другую книжную полку.

Он стоял спиной к брату и не видел ни того, как тот достал маленький серебряный револьвер из кармана пиджака, ни появившейся у него на лице гримасы, как будто они снова стали детьми и Дэвенпорт намеревался одержать победу в очередной игре.

Выпущенная гостем пуля с такой силой толкнула Тревора вперед, на книжные полки, что одна пачка бумаг с его записями завалилась за книги. Он протянул руку, пытаясь сохранить равновесие, и схватился за переплетенный в кожу том, по иронии судьбы оказавшийся тибетской «Книгой мертвых».

Она упала вместе с ним на пол.

Кровь вытекала из его тела так же быстро, как разлилось бренди из разбитого стакана, и Тревор, умирая, смотрел, как его брат выскользнул из библиотеки, убрав в карман пистолет и засунув под мышку свою добычу. Умирающий еще несколько мгновений думал о том, что станет с драгоценным знанием, которое он пытался и не смог защитить, а потом перестал дышать.

Чайнатаун, Бостон, наше время

В КОНЦЕ КНИГА НЕ СМОГЛА ЕГО СПАСТИ.

Древний том в кожаном переплете с потускневшим золотым тиснением и потрепанными страницами остался частично зажатым в правой руке мертвеца, когда тот упал на пол за массивным письменным столом, убитый одним-единственным выстрелом в грудь. Бостонский сержант Ди Ди Уоррен, одетая в отличный костюм, стояла в дюйме от тела, на единственном свободном месте в заполненном людьми кабинете, и пыталась понять, что произошло.

– Он ее поднял, – сказала она своим напарникам Нилу и Филу, показав на упавшую книгу. – Увидел пистолет и попытался инстинктивно прикрыться.

Нил, самый молодой в их подразделении, бывший специалист по оказанию первой помощи, сразу же покачал головой:

– Не-е-е... На книге нет никаких следов пороха и пули. Он схватил ее, когда падал. – Молодой человек показал на листы бумаги, которые балансировали на краю стола с мраморной столешницей. – Могу поспорить, что книга лежала сверху. Выстрел толкнул его влево, он потянулся к столу, но вместо этого ухватился за книгу. И упал вместе с нею на пол.

– Тогда она отлетела бы в сторону, – возразила Ди Ди, которая очень любила перебрасываться со своими коллегами предположениями на месте преступления. Она считала, что мертвый человек многое может рассказать. – Таков побочный эффект. В то время как наш труп держит книгу в руке.

– Хочешь, я расскажу, сколько самых разных предметов мне довелось вытаскивать из рук мертвецов? – пожав плечами, спросил Нил. – Человек видит, что приближается его смерть, и рефлекторно хватается за все, что оказывается поблизости. Не знаю, может, они думают, что, если будут достаточно сильно цепляться за этот мир, им не придется отправляться на тот свет...

– Ответа на твой вопрос нет, – пробормотал стоявший у двери Фил.

Он был самым старшим в подразделении, ему было без малого шестьдесят, и у него были любящая жена, четверо детей и стремительно увеличивающаяся лысина. Тот факт, что он являлся семейным человеком, не мешал ему спокойно смотреть на жертвы с близкого расстояния и не переживать по этому поводу. Однако два вырезанных из камня китайских льва высотой в пять футов на некоторое время приковали его к месту. А может быть, это сделал яркий керамический дракон, расправивший крылья и стоящий на краю мраморного стола. Или огромное количество нефритовых статуэток, которые, точно огромные листья, украшали полки, заставленные книгами в кожаных переплетах.

Фил прижал маску к лицу, но не затем, чтобы защититься от неприятного запаха: он собирался чихнуть – что в таком тесном и пыльном помещении было совершенно нормально, но могло бы испортить улики.

Уоррен выпрямилась и сморщила нос, стараясь справиться с собственной реакцией на затхлый воздух в комнате:

– Ладно. Начнем с жертвы. Что мы знаем?

– Его зовут мистер Джон Уэн, – ответил Фил. – Пятьдесят восемь лет, вдовец, никаких судимостей или серьезных правонарушений. По словам его помощницы Джуди Чэн –

именно она обнаружила тело сегодня утром, – мистер Уэн был тихим, спокойным человеком, преданным своей работе, которая, как вы уже, наверное, и сами догадались, глядя по сторонам, заключалась в импорте древних китайских артефактов. Недешевых. В общем, серьезный человек. Антиквариат, элитные клиенты, сам разбирался с таможенной – в общем, все в таком духе. Он любил охотиться и устанавливать подлинность обнаруженных им предметов. А в ее обязанности входили связи с общественностью.

Ди Ди кивнула. Это объясняло местоположение магазина Уэна, находившегося в стороне от шумной Бич-стрит, ярко изукрашенной главной улицы, проходившей через центр Чайнатауна. Кроме того, в отличие от соседней убитой, чьи лавки выставляли напоказ шелковые платья, китайскую еду или хаотично наваленные дешевые побрякушки, в витрине этого магазина стояли только три искусно вырезанных панно из дерева. Оказавшись внутри, можно было прочесть на не бросающейся в глаза бронзовой дощечке, что они принадлежали такой-то династии и что их можно приобрести за сто пятьдесят тысяч долларов. Если подумать, это объясняло дорогой костюм элегантного голубого цвета, в котором умер Джон Уэн. Получалось, что он вращался в кругах элиты и выглядел соответственно. Интересно...

– Итак, бизнесмен, – подвела итог Ди Ди. – Очевидно, образованный. Уважаемый? И пользовавшийся доверием?

Ее старый помощник кивнул.

– Возможно, это не ограбление, – продолжала Ди Ди, окинув взглядом небольшую коллекцию статуэток из нефрита, расставленную в маленьком кабинетике. – Может быть, очередная сделка не задалась? Мистер Уэн сказал, что какой-то предмет принадлежит третьей династии, но на самом деле его сделали на прошлой неделе на заводе в Гонконге, а потом дети состарили его, отбив тяжелыми цепями.

– Невозможно, – произнес новый голос из-за спины Филадельфии.

Пожилый полицейский сдвинулся в сторону, насколько это было возможно в узком проеме, и в комнату с очень серьезным, даже торжественным видом вошла красивая молодая азиатка.

– Кто вы? – спросила Ди Ди.

– Джуди Чэн, – ответила девушка. – Я проработала с мистером Уэном пять лет. Он был хорошим человеком. И ни за что не стал бы обманывать своих клиентов. Кроме того, он никогда не ошибался.

– Как вы познакомились с мистером Уэном? – начала расспрашивать ее Уоррен.

– Он поместил в газете объявление, что ему нужна помощница и продавец в магазин. Я и пришла.

Ди Ди окинула взглядом хрупкую невысокую девушку с точеными скулами и блестящими угольно-черными волосами.

– Расскажите о ваших отношениях, – задала она следующий, вполне логичный вопрос.

Помощница мистера Уэна сердито посмотрела на нее:

– Я работала с мистером Уэном, со среды по воскресенье, с девяти до пяти. Иногда приходила в нерабочее время, чтобы помочь подготовиться к встрече с важными клиентами. Ну, понимаете, из тех, кто выставляет доспехи, которым три тысячи лет, в качестве украшения в прихожей и готов за это платить.

– У вас есть список таких клиентов?

– Да.

– И еще ежедневник мистера Уэна. Мы бы хотели на него взглянуть.

– Я понимаю.

– Он собирался вчера вечером с кем-нибудь встретиться?

– Мне про это ничего не известно.

– А вам он сказал бы о такой встрече?

– Как правило, он говорил. В его делах не было ничего тайного. И он все чаще и чаще прибегал к моей помощи. Мистер Уэн высоко ценил мое умение обращаться с компьютером.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Вчера, в пять вечера, когда закрывала магазин.

– Где он находился в это время?

– В своем кабинете, в задней части магазина. Обычно он оставался после закрытия, работал с документами, занимался исследованиями. У него не было семьи. И это... – Джуди обвела рукой тесное помещение, – составляло всю его жизнь.

– Он работал над чем-то особенным в последнее время? – спросил Фил, стоявший у нее за спиной.

– Мне он ничего такого не говорил.

– Пропало что-нибудь ценное? – Старый полицейский тоже обвел рукой кабинет.

Впервые за весь разговор девушка ответила не сразу. Все три бостонских детектива не сводили с нее внимательного взгляда.

– Я... не знаю, – пробормотала она наконец. – Он почти не выходил из кабинета.

Ди Ди приподняла одну бровь, посчитав ее заявление очень странным.

– Мистер Уэн говорил, что ему лучше думается в окружении прошлого, – продолжала Чэн. – Большинство вещей в кабинете собраны в течение всей его жизни – это подарки коллег, клиентов и друзей. А книги... он их любил. Называл своими детьми. Я нередко просила его разрешить мне, по крайней мере, стереть с них пыль и навести здесь порядок. Но он мне не позволял. Ему нравилось все как есть, даже кучи бумаг, которыми завален стол. Он называл это горизонтальной системой хранения. И знаете, она ни разу его не подвела...

Девушка замолчала. Она не смотрела на полицейских, но не сводила напряженного взгляда со стола.

– Что-то не так, – вдруг произнесла Чэн без всякого выражения. – Я не могу объяснить, в чем дело... но что-то здесь не так.

Ди Ди послушно посмотрела на стол, отметив горы бумаг, разбросанные записные книжки, самые разные на вид, и круглую деревянную миску, наполненную какими-то мелочами, а рядом с ней – тяжелую позолоченную статуэтку, изображавшую женщину с формами, гораздо более соблазнительными, чем у самой Уоррен, не говоря уже о множестве стопок старых и пыльных книг.

– Я не вижу компьютера, – сказала она наконец.

– Мистер Уэн работал на бумаге, вручную. Так ему лучше думалось – объяснила Джуди. – А когда требовалось что-то сделать на компьютере, он пользовался тем, что стоит в магазине.

Ди Ди решила зайти с другой стороны:

– Утром магазин был заперт?

– Да.

– Как насчет системы безопасности?

– У нас ее нет. Мы обсуждали необходимость поставить охранную систему, но мистер Уэн возражал и говорил, что воры не станут красть древнюю мебель. По-настоящему ценные предметы здесь... они большие и тяжелые, как вы видите.

– Но все фигурки из нефрита...

– Это его частная коллекция, она не продается.

Фил подхватил идею Ди Ди:

– Входная дверь была заперта. Значит, мистер Уэн сам впустил своего гостя.

– Думаю, да, – кивнула Чэн.

– Он встречался с клиентами в кабинете? – спросила Уоррен и обвела рукой тесное пространство, где можно было только стоять.

– Нет, – ответила девушка. – Обычно он встречался с ними в выставочном зале, за одним из столов. Он верил в то, что история сохранила не только свою силу, но еще и полезность. «Вы не должны просто покупать антикварные вещи, – любил говорить он. – Живите с ними».

Взгляд Ди Ди остановился на книге, все еще лежавшей на ладони мистера Уэна:

– В выставочном зале есть книги?

– Нет, это его...

– Частная коллекция. Я поняла. Таким образом, если он встречался с кем-то, кого интересовала определенная книга...

Детектив снова опустила на колени, чтобы получше рассмотреть фолиант в кожаном переплете. Позолоченные буквы названия стерлись, и прочитать их было почти невозможно. А в следующее мгновение она сообразила, что перед ней не английский, а какой-то другой язык, которого она не может узнать.

– Будда! – неожиданно выдохнула Джуди.

– Что? – оглянулась на нее Уоррен.

– Будда. Вот что пропало. На левом углу стола мистера Уэна. У него была статуэтка Будды из целого куска нефрита. Восьмой век, династия Тан. Мистер Уэн никогда его никуда не убирал. Он купил его сразу после смерти жены, и Будда имел для него особое значение.

– Размер? – Фил уже вытащил блокнот.

– Хм-м-м... Сам Будда восемь дюймов в высоту, круглый, из целого куска камня, сидящий... ну, знаете, с большим животом и смеющимся лицом. Статуэтка имела квадратное деревянное основание с позолоченными швами, инкрустированное галиотисами.

– Сколько он стоил? – спросила Ди Ди.

– Я не уверена. Мне нужно посмотреть. Но, если считать унциями, в настоящее время нефрит хорошего качества стоит дороже золота, а статуэтка такого размера... да, она была дешевой.

Уоррен поджала губы. Ей понравилась идея о том, что убийство совершено с целью ограбления. Только вот не следовало забывать, что остальные статуэтки из нефрита по-прежнему стояли на книжных полках.

– Почему Будда? – пробормотала она, скорее обращаясь к самой себе, чем к окружающим.

Красивая помощница погибшего покачала головой: она явно не знала, как ответить на этот вопрос.

– Итак, исчез один предмет. Вы считаете, что больше ничего не пропало? – уточнила детектив.

– Я еще посмотрю, но на данный момент... да, только одна статуэтка.

– Значит, Будда или что-то, имеющее отношение к Будде...

Ди Ди продолжала размышлять, когда Нил подал голос:

– Эй, я тут кое-что нашел!

Он вынул книгу из пальцев мистера Уэна, и все увидели кусочек белой бумаги, который упал на пол. Не вызывало сомнений, что он не был древним и появился в кабинете недавно. Нечто такое, что человек, умирая, посчитал необходимым зажать в руке.

– Что это? – спросила Уоррен.

– Визитка. – Нил перевернул карточку. – Фонд «Феникс». И какой-то Малахай Самюэльс.

Ди Ди припарковала взятую напрокат машину в Верхнем Вестсайде Нью-Йорка и принялась рассматривать огромный особняк на противоположной стороне улицы. Она не была специалистом по архитектуре, но достаточно долго прожила в историческом центре города, чтобы узнать стиль королевы Анны, включая золотистый цвет в нижней части окон с закруг-

ленным верхом. Лично ей больше всего нравились горгульи, которые выглядывали из-под скатов крыши.

Разумеется, она приехала сюда вовсе не затем, чтобы полюбоваться на архитектурный памятник. Ее интересовало убийство. Ди Ди прошла по дорожке к входной двери, остановившись на пару мгновений, чтобы изучить барельеф, который оказался старинным гербом. Ей потребовалась секунда, чтобы сообразить, что на нем изображена мистическая птица феникс, давшая название фонду.

Она нажала на кнопку звонка.

В конце концов дверь открылась, и Ди Ди вошла в здание, где расположился фонд «Феникс».

Она показала удостоверение уже ждавшей ее секретарше, отметив мимоходом, что стол, который стоит в приемной, старый и, вероятно, очень дорогой. А кроме того, в его отделке присутствовал легкий намек на китайские узоры. В общем, такой стол Джон Уэн вполне мог привезти из-за границы в свой магазин, а потом продать клиенту вроде Малахая Самюэlsa.

– Детектив-сержант Ди Ди Уоррен, – представилась она. – Я хочу поговорить с доктором Самюэльсом.

– У вас назначена встреча?

– Нет, но я думаю, он меня примет.

Молодая женщина посмотрела на удостоверение Ди Ди, поджала губы и взялась за телефонную трубку.

– Будьте любезны, присядьте, пожалуйста; доктор сейчас занят с пациентом, но он освободится через пять минут, – сообщила она, поговорив с начальником.

Ну что же, прекрасно. Детектив направилась к горбтому дивану для посетителей. Ее предупредили, что разговор будет не из легких, поскольку у доктора Самюэlsa имелся некоторый опыт в том, что касалось ответов на вопросы, имеющие отношение к убийствам.

Дождаясь, когда он освободится, Ди Ди включила лэптоп, чтобы почитать пару найденных ею статей о знаменитом психотерапевте.

Малахай Самюэльс практиковал юнгианскую терапию и работал с детьми, имевшими опыт путешествий в свою прошлую жизнь. Он и его тетка, являвшаяся содиректором фонда, задокументировали рассказы трех тысяч детей и представили поразительные доказательства, которые те обнаружили в своих предыдущих жизнях. Исследования и методология этих специалистов оказались настолько изощренными, что их приняли в научном обществе и нередко обсуждали на съездах психиатров.

Однако в последние семь лет имя Малахая несколько раз возникало в связи с расследованием преступлений, заключавшихся в кражах предметов старины, приведших к смерти по меньшей мере четырех человек. Впрочем, реинкарнатору ни разу не предъявили обвинения, хотя специальный агент ФБР Люсиан Гласс, с которым встретилась Уоррен, невероятно разволновался, когда оказалось, что имя Самюэlsa всплыло в деле об очередном убийстве.

Гласс продолжал считать, что Малахай виновен в нескольких преступлениях и его место в тюрьме.

– Но нам не удалось найти ни одной улики, которая указала бы на его причастность к совершенным преступлениям. Я очень надеюсь, что вам удастся это сделать, детектив Уоррен. Очень надеюсь, – сказал ей тогда Люсиан.

– Детектив Уоррен? – Размышления Ди Ди прервал густой медоточивый голос. Она подняла голову и увидела перед собой человека, о котором только что читала. – Я доктор Малахай Самюэльс. Чем могу вам помочь?

Отлично скроенный дорогой синий костюм, аккуратно завязанный галстук и туго накрахмаленная белая рубашка с монограммой на левом манжете – в общем, все, от одежды

до манеры разговаривать, указывало на то, что Малахай Самюэльс далеко не в первом поколении принадлежал к высшим слоям общества. И это вызвало у Ди Ди новый вопрос: возможно, миляга доктор собирает ценные предметы старины, а может быть, включает в их число и самого себя?

– Я приехала к вам, чтобы поговорить об убийстве, совершенном в Бостоне, – сказала она. – Мы не могли бы побеседовать где-нибудь, где нам никто не будет мешать?

– Разумеется, сюда, пожалуйста.

Психотерапевт провел ее по коридору, на стенах которого, оклеенных обоями начала века, висели бра из витражного стекла. Ди Ди решила, что обои там были шелковыми: на них виднелся потускневший цветочный рисунок, а местами – что-то похожее на нити из настоящего золота.

– Не желаете кофе или чая? Может быть, воды? – спросил Малахай, открыв дверь в свой личный кабинет – так, по крайней мере, решила его посетительница.

В соответствии с духом этого места вдоль стен стояли книжные шкафы со старыми книгами, а на полу лежал великолепный персидский ковер. Кроме того, Ди Ди обратила внимание на антикварный письменный стол и удобный кожаный диван с креслами, поставленный так, что сидевший на нем смотрел во внутренний дворик, засаженный деревьями и цветами, – как и подобало сидеть доктору с тонкой нервной организацией.

Уоррен сказала, что с удовольствием выпила бы воды, и села, продолжая составлять мысленный каталог огромного количества антикварных вещей и произведений искусства, украшавших дом. Когда она заметила на столе Самюэльса лошадь из нефрита, явно прибывшую из Китая, по спине у нее пробежал холодок возбуждения.

Малахай протянул гостье хрустальный стакан, наполненный ледяной водой, и сел напротив за стеклянный кофейный столик.

– Итак, чем я могу вам помочь?

– Мы нашли вашу визитку на месте преступления.

– Это ужасно. А кого убили?

– Мистера Джона Уэна.

На лице хозяина кабинета не отразилось вообще ничего. По правде говоря, он настолько спокойно отнесся к этому известию, что мгновенно вызвал у Ди Ди подозрения.

– Вы были с ним знакомы, доктор? – спросила она.

– Я психотерапевт, детектив. Даже если бы я и был знаком с мистером Джоном Уэном, я бы вам этого не сказал. Все, что происходит в моем кабинете, конфиденциально. Не сомневаюсь, что вы все правильно понимаете.

– Человек, о котором мы говорим, мертв, мистер Самюэльс. Его конфиденциальность лежит на полу в луже крови.

Малахай продолжал хранить молчание.

– Разумеется, вы понимаете, что, не отвечая на мой вопрос, вы признаете, что он являлся вашим пациентом, – добавила Ди Ди.

– Если вы желаете сделать именно такой вывод, это ваше право. Но я не говорю, что он был или не был моим пациентом. И я не вправе обсуждать с вами дело, которое вы расследуете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.